

СЕРИЯ «ТОПОГРАФ СНОВИДЕНИЙ» • КНИГА 2

НЕЙТОН ПАТЧЕР

**ВЕКТОР
ПРОБУЖДЕНИЯ**
ТОПОГРАФ СНОВИДЕНИЙ

LITRPG • РЕАЛРПГ • БОЕВИК

Нейтон Патчер

**Топограф Сновидений:
Вектор Пробуждения**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Топограф Сновидений: Вектор Пробуждения / Н. Патчер —
«Автор», 2026

Составив точнейшую карту Блуждающего Лабиринта, Вадим Озеров выходит к Цитадели Спящих Богов. На его поимку брошены элитные ловцы снов и архонты сомнабулического ордена. Но класс Вадима достигает ранга . Теперь он способен не просто фиксировать искажения, а чертить новые физические туннели сквозь саму ткань кошмара. В финале дилогии Вадиму предстоит проложить спасительный маршрут пробуждения для целой цивилизации, разрушить искусственный морок Демииургов и вернуть людям настоящий рассвет.

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Нейтон Патчер

Топограф Сновидений: Вектор Пробуждения

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ТОПОГРАФ СНОВИДЕНИЙ:

ВЕКТОР ПРОБУЖДЕНИЯ

Серия «Топограф Сновидений» • Книга 2

Глава 1. Вектор к Ядру

Тяжелый золотой теодолит в правой руке Вадима Озерова отзывался не просто привычной металлической прохладой — он вибрировал в унисон с его собственным пульсом, отдаваясь в костях предплечья мерным, низким гулом. Каждый микрометрический винт, каждая риска на лимбе из закаленного ориалка и каждая линза, отшлифованная из цельного кристалла первозданной сингулярности, стоили сотен покоренных горизонтов, десятков разрушенных иллюзорных империй и тысяч часов кропотливого труда, когда грань между математическим расчетом и чистым безумием стиралась без следа.

Вадим стоял у самого края панорамного остекления командного мостика. Впереди, за многослойным кварцевым бронестеклом, усиленным рунами гравитационного гашения, простиралось нечто, не поддающееся законам классической евклидовой геометрии.

Цитадель Спящих Богов.

Она не покоилась на тверди и не парила в привычном понимании этого слова. Она вздымалась из бурлящего тумана Нижнего Бессознательного циклопическим скоплением перевернутых обелисков, спиральных пандусов и черных базальтовых шпилей, которые одновременно уходили бесконечно вверх и обрывались в бездонную глубину эфирного разлома. Вязкое, опалесцирующее марево Онираса омывало ее подножие, как океанские волны омывают скалы забытого материка. Время от времени сквозь дымку проступали колоссальные титанические лики, навеки застывшие в безмолвном экстазе или невыразимой муке — сны самих создателей этого мира, сплетенные в фундамент нерушимой твердыни.

Перед глазами Вадима, перекрывая бездну, вспыхнула багряно-золотая строфа системного интерфейса. Шрифты высшего порядка дрожали от колоссального давления окружающей среды, но держались стойко, привязанные к его душе нестигаемой волей:

СИСТЕМНЫЙ СТАТУС СУБЪЕКТА:
Имя: Вадим Озеров
Класс: [Верховный Картограф Реальности] (Трансцендентный ранг / Уровень 1200)
Текущая локация: Нулевой Меридиан Онираса / Траверз Цитадели Спящих Богов
Геодезическая стабильность формы: 99.98%
Давление сновидческого эфира: 14 820 ТПа (Критический порог деформации сознания)
Активная аура: [Абсолютная Демаркационная Линия] — энтропия пространства снижена на 84%

|| Текущий инструмент привязки: Золотой Теодолит Первозданной Триангуляции (Артефакт Творения, Истинный) ||

Под статусом монотонно мерцала длинная полоса предупреждений:

> [Внимание! Вы вошли в зону абсолютной субъективной плотности.]

> [Законы оптики, времени и мерности деградируют до исходных черновиков Мироздания.]

> [Вектор прямого наблюдения искажен на 43.7 градуса по оси Мёбиуса.]

> [Пассивная способность «Взгляд Сквозь Иллюзии Бытия» компенсирует оптический сдвиг...]

Вадим медленно выдохнул. Пар от его дыхания коснулся стеклянного забрала легкого исследовательского скафандра из волокон звездного шелка и тут же растаял. На сто двадцатом томе этой бесконечной одиссеи по изнанке бытия страх давно атрофировался, уступив место предельной, выверенной сухости профессионального взгляда.

— Командор, гироскопы правого борта фиксируют фазовое скольжение, — раздался из-за спины скрипучий, размеренный голос старшего штурмана Корнелиуса. Старый голем-хронометрист, чье тело было собрано из шестеренок карманных часов древних демиургов, замер над медной консолью навигационного узла. Его латунные пальцы, увенчанные миниатюрными циркулями, лихорадочно перебирали перфокарты из чистого сапфира. — Эфирные течения под килем закручиваются в воронку воспоминаний шестого эона. Если мы опустимся еще на сотню метров, обшивка войдет в резонанс с грезами Утонувших Титанов. Нас просто расплющит чужой ностальгией.

— Удерживать эшелон тринадцать тысяч по абсолютной вертикали, Корнелиус, — не оборачиваясь, скомандовал Вадим. Голос его звучал негромко, но перекрывал и натужный стон паровых турбин дирижабля, и рев внешней бездны. — Заблокируйте маневровые дюзы на квантовых якорях. Не позволяйте плотности сна размыть геометрию шпангоутов. Мы здесь не для того, чтобы тонуть в метафорах.

Исследовательский дирижабль «Азимут-Ноль» представлял собой вершину инженерной мысли Академии Межпространственной Геодезии. Двухсотметровая сигара корпуса, обшитая пластинами из сплава метеоритного железа и лунного серебра, держалась в зыбком пространстве Онироса не за счет подъемной силы газа, а благодаря трем гравитационным киям и массивному топографическому реактору, сжигавшему нестабильные аксиомы бытия ради поддержания жесткой зоны нормальности вокруг корабля. Это была единственная точка опоры в хаосе — островок твердой логики посреди бушующего океана непроявленных грез.

Вадим повернулся к центральному круглому столу мостика.

Массивный постамент из полированного обсидиана покоился на трех латунных лапах, впившихся в палубные плиты. На поверхности стола пульсировали сотни тончайших световодов, готовых принять информацию.

— Расчистить проектор, — приказал Вадим.

Двое младших картографов — юная эльфийка Иллирия с тускло светящимися чертежными татуировками на тонких пальцах и коренастый цварг Балин, облаченный в кожаный фартук с сотней кармашков для калибровочных игл, — мгновенно смели в сторону латунные линейки, рейсфедеры и тяжелые хрустальные призмы.

Вадим бережно положил теодолит на специальный бархатный ложемент у края постамента. Прибор тихо звякнул, выпуская из основания тонкие золотые усики, тут же подключившиеся к бортовой шине данных дирижабля. Окуляр инструмента вспыхнул ровным лазурным светом, проецируя в воздух тончайшую координатную сетку.

Затем Вадим снял с плеча тяжелый тубус из чешуи астрального левиафана. Застежки в виде свернувшихся уроборосов щелкнули, признавая хозяина по отпечатку ауры. Из недр тубуса Вадим извлек свиток.

Это была Генеральная Карта Онироса.

Плод труда сотни исследовательских экспедиций, цена миллионов жизней тех, кто шагнул за пределы материальных планов и растворился в бессознательном, не сумев провести обратную прямую к точке отсчета. Свиток не был сделан из бумаги или пергамента. Основой ему служила тончайшая мембрана, срезанная с внешнего горизонта событий карманной вселенной, выдубленная в эссенции абсолютного вакуума и расчерченная чернилами из черных дыр.

Вадим взял свиток за края обеими руками. На кончиках его пальцев зажглись золотистые рунические символы — знаки демаркации, права первой границы.

— Помогайте, — коротко бросил он.

Иллирия и Балин осторожно, едва дыша, приняли нижние углы свитка специальными магнитными зажимами. Вадим с легким шелестом, похожим на вздох просыпающегося титана, развернул карту по всей поверхности обсидианового стола.

В ту же секунду мостик дирижабля преобразился.

Воздух наполнился сухим озоновым треском. Картографическая проекция оторвалась от физического носителя и взмыла к куполу мостика многоярусной трехмерной голограммой невероятной сложности. Это было не просто изображение — это был живой, пульсирующий слепок всего метафизического пространства Онироса.

В самом низу, у самого основания проекции, клубились плотные, мутные вихри пепельного цвета — Первые Круги Обыденных Сновидений. Там рождались и умирали мимолетные сны смертных: кошмары о падении с высоты, путанные коридоры не сданных экзаменов, неловкие признания в любви и бессвязные погони. Этот уровень менялся каждую долю секунды, вскипая миллионами пузырей локальных реальностей, но для экспедиции Вадима он не представлял интереса — это была лишь поверхностная пена.

Выше вздымались Срединные Хребты Коллективного Бессознательного. Здесь материя снов обретала гранитную плотность. Проекция вычерчивала гигантские архетипические плато: Лес Вечной Охоты, Море Забытых Имен, Башню Порядка, скованную цепями геометрических теорем. Каждая линия здесь была закреплена Вадимом в прошлых томах. Зелеными светящимися линиями тянулись триангуляционные сети, узловых реперы, геодезические маяки, вбитые его командой в ткань чужих верований. Это была покоренная, измеренная, каталогизированная территория.

Но над ними... Над ними зияла Великая Пустота.

И посреди этой пустоты, словно черный алмаз в короне безумия, вращалась пространственная модель Цитадели Спящих Богов.

От нее во все стороны расходились искажения. Проекционные лучи ломались, свивались в спирали Архимеда, отражались сами в себя. Пространство вокруг Цитадели защищалось от измерения. Оно не желало быть нанесенным на карту. Ведь нанести на карту — значит ограничить. Ограничить — значит подчинить закону. А спящие внутри боги отвергали любой закон, кроме своей бесконечной дрёмы.

— Посмотрите на эти изолинии, — прошептала Иллирия, поднося ладонь к парящему фрактальному узлу. Светящиеся татуировки на ее коже замерцали тревожным алым оттенком. — Они смыкаются сами на себя. Градиент искривления стремится к бесконечности. Там нет входа. Любой курс, проложенный по нормали, выведет нас обратно на периферию, либо скрутит дирижабль в ленту шириной в один атом.

— Вход есть всегда, — холодно отозвался Вадим. — Пространство не может быть замкнуто абсолютно, если в нем присутствует хотя бы один наблюдатель. А мы здесь. И мы наблюдаем.

Он наклонился над картой, уперевшись кулаками в обсидиановый край стола. Взгляд его серых, глубоко посаженных глаз стал жестким, сканирующим. На лбу проступила сеть тонких синих вен — результат работы мозга, разогнанного трансцендентными пассивными навыками до скорости вычислительного кластера.

> [Активирован навык: «Топографическая Декомпозиция Уровня IX»]

> [Затраты маны: 50 000 ед./сек.]

> [Поток входящих данных: 4.2 Терабайта архетипической геометрии в секунду.]

> [Анализ структурных напряжений поля сновидений...]

В глазах Вадима мир распался на матрицы расстояний. Он видел, как тяжелые базальтовые шпили Цитадели давят на эфир, создавая гравитационные карманы. Он видел, как между двумя циклопическими обелисками, названными в древних свитках «Пилонами Забвения», дрожит едва заметная интерференционная полоса.

— Корнелиус, — скомандовал Вадим, не поднимая головы. — Вывести на центральный дисплей показания кварцевого барометра и азимутальные углы по компасу Декарта.

— Выполняю, командор, — загремел шестеренками старый голем. Из его грудины выдвинулся медный рычаг, с глухим щелчком переключивший передачу на главном навигационном хронографе.

Над картой развернулась полупрозрачная таблица динамических параметров:

ТЕКУЩИЕ ПАРАМЕТРЫ СРЕДЫ:
Азимут Истинного Севера: Неопределим (Круговая флуктуация)
Коэффициент жесткости пространства: 0.12 (Квазиджидкий вакуум)
Плотность вероятностных линий: 890 линий/кв. ангстрем
Температура энтропийного фона: -271.4 °C
Давление смыслового поля: 14.8 кПа/смысл

— Вот здесь, — Вадим протянул руку и коснулся пальцем пустоты между двумя обелисками на проекции.

Карта под его пальцем отозвалась глухим золотым звоном. В точке касания по голограмме побежали концентрические круги, словно по поверхности потревоженной воды.

— Это не монолитная стена, — пояснил он столпившимся вокруг офицерам. — Это фазовый барьер, построенный на парадоксе Зенона. Летящая стрела никогда не достигнет цели, потому что пространство перед ней делится до бесконечности. Стоит нам направить дирижабль прямо на ворота Цитадели, и мы будем лететь сквозь этот пролет миллиарды лет, с каждым шагом становясь вдвое меньше, пока не превратимся в субатомную пыль внутри чужой мысли.

Балин шумно почесал рыжую бороду, в которой застряло несколько латунных опилок.

— Проклятые божественные штучки... И как эту стрелу протолкнуть, шеф? Срезать на хрен эти пилоны эфирными таранами? Наш реактор выдаст пиковую мощность, если замкнуть контур на овеществление!

— Грубая сила здесь бесполезна, Балин, — покачал головой Вадим. — Ты не можешь сломать топологический парадокс кувалдой. Ты должен доказать пространству, что парадокса не существует. Мы не пойдем по прямой. Мы найдем геодезическую линию минимального сопротивления смыслу. Мы прочертим Вектор к Ядру.

Вадим выпрямился и снова взял в руки золотой теодолит.

Прибор ожил в его пальцах с новой силой. Линзы внутри оптической трубы с тихим щелканьем начали перестраиваться, меняя фокусное расстояние с физического на концептуальное. Вадим поднес окуляр к правому глазу и направил прибор сквозь бронестекло мостика прямо на циклопический фасад Цитадели Спящих Богов.

Мир за стеклом мгновенно преобразился.

Исчезла мрачная готика черного базальта. Исчезли клубы пепельного тумана и циклопические лики спящих титанов. Перед взором Верховного Картографа Реальности обнажился истинный каркас мироздания.

Это была гигантская, пульсирующая паутина из натянутых струн света. Каждая струна представляла собой закон, аксиому или догмат, на котором держался этот сектор Онироса. Золотые струны — законы сохранения массы и энергии, принесенные сюда вторжением материальных миров; багровые — законы разрушения и гниения; глубокие фиолетовые — незыблемая воля спящих богов, удерживающая всю эту исполинскую структуру от коллапса в первородное Ничто.

И прямо в центре этой паутины, глубоко в недрах Цитадели, пульсировало Ядро.

Оно выглядело как ослепительная точка абсолютной сингулярности, испускающая концентрические волны тяжелого, густого золотого свечения. Это был Исток — место, где грезы богов отливались в твердые матрицы будущих планет и галактик. Цель всей экспедиции. Финал сто двадцатитомного пути, начавшегося когда-то с простого деревянного мензюльного столика и ржавой мерной цепи на окраине захолустного княжества смертных.

> [Внимание! Обнаружена фокальная точка мета-реальности: «Ядро Первотворения».]

> [Расстояние по евклидовой метрике: Неприменимо.]

> [Расстояние по метрике Римана-Озерова: 42 195 условных триангуляционных сажений.]

> [Препятствия на векторе: 12 фазовых барьеров, 4 петли времени, 1 архитектурный кошмар девятого ранга.]

Вадим плавно вращал микрометрический винт теодолита. Золотая шкала нониуса сдвигалась на сотые доли дуговой секунды. Пальцы двигались с филигранной точностью нейрохирурга. Любая ошибка в настройке угла на одну угловую миллисекунду здесь, на пороге Цитадели, означала бы, что проложенный курс упрется не в проход между пилонами, а в горизонт событий вечного забвения.

— Корнелиус, записывай отсчеты по лимбу, — ровным тоном произнес Вадим, не отрываясь от окуляра.

— Перо готово, чернила из крови василиска заправлены, — отозвался голем, занеся острое металлическое перо над чистым листом пергамента.

— Горизонтальный круг: триста сорок два градуса, семнадцать минут, сорок четыре целых и три десятых секунды.

Шестеренки Корнелиуса скрипнули. Перо со свистом рассекло бумагу.

— Зафиксировано.

— Вертикальный круг: плюс восемьдесят один градус, пять минут, двенадцать секунд ровно. Поправка на рефракцию эфирной плазмы: минус четыре целых две десятых диоптрии.

— Зафиксировано.

— Эксцентриситет оси визирования: ноль целых триста восемнадцать тысячных. Коэффициент параллакса сновидческой аберрации... — Вадим на мгновение замер. В окуляре теодолита промелькнула тень. Колоссальное щупальце, сотканное из мириад закрытых глаз, медленно переползло через линию визирной сетки. Спящий бог пошевелился во сне. Пространство в окуляре пошло крупной рябью, грозя выжечь сетчатку исследователя обратной волной ментальной отдачи.

Интерфейс перед глазами Вадима вспыхнул предупреждающим алым заревом:

- > [Внимание! Прямой ментальный контакт с сущностью ранга «Демииург в Стазисе».]
- > [Попытка перезаписи вашей личности концепцией «Вечный Покой»!]
- > [Соппротивление воли: 99.9%. Применен статус: «Верховный Картограф Реальности».]
- > [Эффект: Ваша концепция объективного пространства признана доминирующей!]

— ...коэффициент параллакса равен нулю, — жестко закончил Вадим, и тень в окуляре с тихим шипением рассеялась, не выдержав абсолютной уверенности картографа в незыблемости его измерений. — Сетка чиста.

Он оторвался от окуляра. Глаз слезился, но зрачок горел холодным, алмазным огнем познания.

Вадим подошел к развернутой на столе карте. В его левой руке возник стилус — длинная игла из черного титана с наконечником из расщепленного алмаза.

— Теперь мы зафиксируем этот маршрут не в наших умах, а в теле самого Онироса, — произнес он. — Иллирия, подай стабилизирующие грузила. Балин, держи рамку карты. Если пергамент начнет выгибаться — руби контур заземления, иначе нас всех втянет внутрь чертежа.

— Есть, шеф, — сквозь зубы процедил гном, наваливаясь всем своим коренастым телом на массивный дубовый прижим стола. Мускулы на его предплечьях вздулись, рунические браслеты вспыхнули защитным синим светом.

Иллирия опустила четыре тяжелых пирамидки из обедненного орихалка по углам свитка. Пространственная рябь вокруг стола заметно улеглась, воздух стал густым, словно патока.

Вадим занес стилус над картой.

Он не просто рисовал линию. Каждый штрих картографа такого ранга был актом творения и упорядочивания хаоса. Там, где стилус касался поверхности свитка, пространство реального мира — снаружи дирижабля — подчинялось начертанному. Закон изоморфизма: карта есть территория, если картограф обладает достаточной волей, чтобы заставить вселенную согласиться со своим масштабом.

Алмазный наконечник коснулся мембраны ровно в точке стояния дирижабля — крошечной светящейся отметке с координатами [X: 0.000; Y: 0.000; Z: +13000.000; T: NOW].

С легким, стеклянным хрустом Вадим повел прямую линию вперед.

Она не была прямой в обычном понимании. На двумерной проекции стола она изгибалась сложной логарифмической кривой, огибала коварные отмели небытия, ныряла под гравитационные воронки спящих титанов и взмывала по гребню стоячей вероятностной волны.

Снаружи дирижабля раздался чудовищный грохот.

Это не был звук, передающийся через воздух — в разреженном эфире звуков не существовало. Это был грохот трещащих метафизических концепций. В бездне перед носом «Азимута-Ноль» вспикело серебряное сияние. В пространстве, где только что царила непроглядная тьма и обманчивая пустота, начала материализоваться тонкая светящаяся полоса — физическое воплощение проведенной Вадимом линии. Она пробивала туман, рассекала базальтовую взвесь и уходила прямо в зловещий проем между Пилонами Забвения.

> [Внимание! Создана геодезическая ось класса «Абсолютный Азимут».]

> [Статус пространства изменен с «Хаотический Сон» на «Исследованный Фарватер».]

> [Коэффициент трения реальности снижен на 92%.]

> [Путь к локации «Ядро Цитадели» открыт для физической навигации.]

Корабль ощутимо вздрогнул. Под палубой с утроенной силой взревели турбины. Индикатор давления в топографическом реакторе подскочил до критической красной черты, но стабилизаторы выдержали.

Вадим не останавливался. Его рука двигалась твердо и непрерывно. Стилус преодолел половину пути, миновал фантомные рифы Архитектонического Кошмара и с ювелирной точ-

ностью вонзился в самую сердцевину черной цитадели на карте — в сияющую золотую точку Ядра.

Тонкий щелчок — и из точки прокола вверх ударил тонкий столбик золотого света, соединивший карту с потолочным плафоном мостика.

— Линия замкнута, — глухо произнес Вадим, отводя стилус. На его виске блестела капля пота. Рука, державшая инструмент, едва заметно подрагивала от колоссального ментального напряжения. — Вектор проложен.

На мостике воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь размеренным тиканьем хронометра в груди Корнелиуса да шипением остывающих медных трубок пневмопочты.

Все офицеры — и старый голем, и юная эльфийка, и грузный цварг — завороченно смотрели на карту, а затем перевели взгляды за бронестекло.

Там, впереди, гигантская Цитадель Спящих Богов больше не казалась неприступной абстрактной громадой. Сквозь ее барьеры, сквозь фрактальные парадоксы и петли времени теперь горел прямой, нерушимый, идеально прямой лазерный луч золотого геодезического вектора. Он пробивал вековую тьму, указывая дорогу сквозь сон разума прямо к сердцу спящего мироздания.

Балин сглотнул, снял кожаную рукавицу и вытер мокрый лоб.

— Клянусь наковальней предков... Он сделал это. Он загнал этих спящих уродов в рамки миллиметровки.

Иллирия быстро коснулась пальцами контрольного экрана своего планшета:

— Системный отклик стабилен! Погрешность на всей дистанции — менее трех микрон по трансцендентной шкале! Командор, эфирный поток перед носом корабля поляризуется. Пространство выстраивается вдоль вашего вектора! Нам больше не нужно преодолевать сопротивление среды — среда сама затягивает нас вперед!

Корнелиус медленно повернул голову к Вадиму. В стеклянных линзах его глазных шарниров отражалась золотая нить пути.

— Приказы, сэр?

Вадим медленно подошел к штурвалу ручного управления — тяжелому бронзовому колесу, инкрустированному защитными рунами курса. Он положил широкие ладони на рифленые рукояти. Золотой теодолит на ложементе тихо гудел, посылая в систему управления непрерывный поток корректирующих сигналов.

В окне интерфейса появилась финальная, долгожданная системная директива, знаменующая начало последней главы их грандиозного похода:

СИСТЕМНОЕ СОБЫТИЕ: ЭКСПЕДИЦИЯ ВЕКА
Цель: Прорыв к Ядру Первотворения
Маршрут: Геодезический Вектор «Озеров-Альфа»
Статус: Проложен, верифицирован, материализован
Вероятность успешного прохождения барьера: 87.4% (Повышена навыком «Верховный Картограф Реальности»)
Награда за завершение демаркации: Апофеоз Пространства / Статус Демиурга-Землемера

Вадим взглянул прямо перед собой. Там, в конце золотого луча, глубоко во тьме базальтовых шпилей, зашевелились исполинские тени. Древние стражи почуяли чужую, наглую, упорядочивающую волю, посмевавшую внести ясность в их священный, вечный хаос. Они пробуждались. Но было поздно. Дорога уже существовала. А то, что нанесено на генеральную карту Верховного Картографа, уже не могло быть стерто из ткани мироздания.

— Внимание по кораблю, — ровным, спокойным голосом произнес Вадим в переговорную трубу, соединенную со всеми палубами «Азимута-Ноль». — Говорит командор. Приготовиться к входу в зону абсолютной деформации. Задраить броневые щиты на жилых палубах. Инженерной команде — зафиксировать маховики инерциальных гасителей на отметке максимум.

Он выдержал паузу, слушая, как по переборкам разносится боевой вой корабельного ревуна, как лязгают перекрытия и занимают свои боевые посты стрелки пространственных орудий.

Затем Вадим перевел взгляд на золотой теодолит, мягко улыбнулся краешком губ и до упора толкнул вперед рукоять главного машинного телеграфа.

— Машины — полный вперед. Курс — строго по вектору. Идем к Ядру.

Глава 2. Слой Сверхкошмара

Пространство за бронированным остеклением мостика не просто изменилось — оно вывернулось наизнанку с влажным, чавкающим звуком лопающейся мембраны бытия.

Золотой луч геодезического вектора «Озеров-Альфа», вбитый волей Вадима в хаос пустоты, послужил монорельсом, по которому многотысячетонная туша «Азимута-Ноль» соскользнула с твердого шельфа объективной физики прямо в бурлящую бездну планетарного бессознательного.

В ту же секунду все приборы на штурманских консолях сошли с ума. Стрелки аналоговых манометров астрального давления бешено закрутились против часовой стрелки, срывая стопоры, а ртутные столбы баропроекторов взметнулись вверх и с глухим звоном разнесли стеклянные трубки на сверкающую амальгамовую пыль. По медному покрытию палубы прокатилась тяжелая, вязкая вибрация — не механическая, а нервная, словно сам металл флагамена внезапно осознал факт собственного существования и ужаснулся ему.

|| ВНИМАНИЕ: СОВЕРШЕН ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ МНЕМОНИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ ||

|| Текущая локация: Слой Сверхкошмара (Подшва Ноосферной Впадины, Глубина: -14 200 локтей воли) ||

|| Внешнее давление: 420 000 Паскалей коллективного психоза ||

|| Коэффициент искривления евклидовой метрики: 9.88 (Критический) ||

|| Эффект окружения: [Дрожь Добиологического Страх] ||

|| Сопротивление корпуса: 91.2% (Снижается на 0.04% в секунду из-за коррозии сомнений) ||

|| Статус вектора «Озеров-Альфа»: Стабилен. Трассировка удерживается концептуальной массой Картографа ||

— Доложить обстановку! — скомандовал Вадим, не отрывая взгляда от центрального окуляра Золотого Теодолита Первоначала.

Его пальцы в тонких перчатках из кожи пустотного левиафана плавно подкручивали микрометрические винты лимба, парируя чудовищные приливные силы, пытавшиеся согнуть золотой луч в спираль.

— Сектор три и четыре — отказ базовых законов термодинамики! — сквозь треск статических помех отозвался в переговорном раструбе голос старшего инженера Корнеева. Металл рупора покрывался изморозью в форме крошечных кричащих лиц. — Правый борт горит холодным пламенем сомнения, температура обшивки упала до абсолютного нуля понятий! Инерциальные гасители гудят на пределе, шестерни деформируются в сторону семимерного

пространства! Если мы не сбросим давление метафизического пара, нас сплющит в сингулярность нерожденного воспоминания!

— Заглушить стравливающие клапаны сапфировыми заглушками, — отрезал Вадим холодным, выверенным тоном. — Зафиксировать топологический каркас корабля на четырех реперных точках. Мы не воспоминание, Корнеев. Мы — демаркационная линия. Мы — то, что имеет координаты. А то, что имеет координаты, невозможно уничтожить простым отрицанием.

— Есть зафиксировать реперы! — отозвался инженер, и в его голосе паническая дрожь сменилась железным послушанием человека, прошедшего с Верховным Картографом сто девятнадцать предыдущих томов этой бесконечной войны за ткань реальности.

Вадим оторвался от теодолита и посмотрел вперед.

Слой Сверхкошмара не имел ничего общего с обычными человеческими снами или тривиальными кошмарами смертных разумов. Здесь не было детских страхов темноты, монстров под кроватью или призраков прошлого. Это было подсознание самой планеты — древней, раскаленной, пережившей триллионы катаклизмов каменной громадины, которая спала миллиарды лет и во сне вспоминала, каково это: остывать, раскалываться на тектонические плиты, задыхаться в метановом пепле и чувствовать ледяное, безжалостное прикосновение космического вакуума.

Это был страх небытия материи. Ужас минерала перед эрозией. Паника первобытной магмы, которую сковывает базальтовая корка.

Тьма за бортом была густой, словно сырая нефть, смешанная с пеплом сожженных звезд. Но она не была пустой. В этой вязкой субстанции плавали колоссальные циклопические формы — титанические силуэты, размером превосходящие континенты. Они не имели постоянной анатомии: хребты из черного обсидиана перетекали в щупальца из застывшего застывающего времени, а глазницы, горящие мертвенным ультрафиолетом, открывались прямо на гребнях пространственных складок.

Вектор «Озеров-Альфа» прорезал эту тьму, словно раскаленная вольфрамовая игла, вспарывающая нарыв. И тени ринулись на свет.

	СИСТЕМНАЯ ТРЕВОГА: СБЛИЖЕНИЕ С ПЕРВОБЫТНЫМИ АРХЕТИПАМИ	
	Идентифицированы сущности глубинного пласта:	
	1. [Архитектор Тектонического Разлома — Архетип Расколотого Базальта] (Ранг: Мифический Первобытный,	
	Уровень: 840)	
	2. [Левиафан Слепого Времени — Архетип Добиологической Ночи] (Ранг: Концептуальный Пожиратель,	
	Уровень: 865)	
	Дебафф зоны: [Амнезия Массы] — Ваши физические объекты рискуют забыть свой вес и рассеяться на кванты!	

— Они идут, — негромко произнесла возникшая рядом с командирским возвышением Амалия.

Ее полупрозрачное тело фантомного навигатора трепетало, как пламя свечи на сквозняке. Пространственный штифт в ее виске вибрировал с ультразвуковым визгом, рассеивая вокруг ее головы мелкие золотистые искры расчетных формул. В руках девушка сжимала штурманский секстант из метеоритной платины.

— Вадим, они пытаются сожрать саму геометрию луча. Если Архитектор ляжет поперек вектора, погрешность триангуляции превысит допустимые ноль целых три сотых процента. Нас выбросит с направляющей. А на такой глубине... мы просто растворимся в геологической амнезии планеты.

— Никто никуда не выбросится, — ответил Вадим.

Он положил ладонь на рукоять своего личного инструмента — Метрического Эспадрона, выкованного из монолитного куска мерной рейки Первого Землемера. По клинку, размеченному миллиметровыми делениями абсолютной точности, пробежала лазурная дуга.

— Артиллерийская палуба! — рявкнул он в микрофон внутренней связи. — Орудия правого и левого бортов — зарядить геодезическими нивелир-болванами калибра восемьсот миллиметров! Прицел по угловым координатам: азимут сорок семь, склонение минус двенадцать! Наша задача — не убить их. Архетип нельзя убить оружием. Наша задача — присвоить им инвентарные номера и привязать к государственной триангуляционной сети!

— Вас понял, командор! — отозвался главный канонир, старый гном-картограф Торgrim. — Загоняем в казенники нумерованные сваи с освященным свинцом! Расчеты, товсь! Закрепить оси горизонтирования!

За бортом чудовищная масса Архитектора Тектонического Разлома пришла в движение. Это было не существо в привычном понимании, а ожившая геологическая катастрофа. Чудовищная трещина длиной в тысячи миль, обрамленная зубьями из смятых в гармошку гранитных пластов, раскрылась прямо перед носом «Азимута-Ноль». Из ее бездонной глотки вырывался не рев — оттуда исходил скрежет трущихся друг о друга материковых плит, звук сминаемой земной коры, стон камня, перемалываемого чудовищным давлением мантии.

Этот звук обладал разрушительной психосоматической силой. На нижней жилой палубе десятки матросов упали на колени, зажимая уши, из которых сочилась сукровица. Людям казалось, что их собственные кости превращаются в ломкий известняк, готовый треснуть под грузом прожитых лет.

|| АТАКА АРХЕТИПА: [Литосферный Паралич Воли] ||

|| Проверка стойкости духа экипажа... ||

|| Навык [Абсолютная Дисциплина Нивелира] снижает ментальный урон на 75%! ||

|| Рассудок личного состава удержан в границах нормы: 89% ||

— Не слушать пустоту! — голос Вадима, усиленный рунами командного резонатора, прогремел по всем отсекам, как удар колокола из чистейшей бронзы. — Смотреть на осевую линию! Держаться за реперы! Торgrim — пли!

Корабль содрогнулся всем своим исполинским скелетом. Из бортовых орудийных портов «Азимута-Ноль» вырвались снопы белого, ослепительного пламени. Это был не порох и не плазма — пространственные мортиры выстрелили монолитными титановыми пилонами, на гранях которых были выгравированы формулы дифференциального исчисления и координаты геодезической сетки первого класса.

Снаряды понеслись сквозь вязкий эфир Сверхкошмара, оставляя за собой светящиеся следы идеальных координатных осей X, Y и Z.

Титанические болванки с глухим, чарующим звоном врезались прямо в края тектонической пасти Архитектора. В то же мгновение сработали заложенные внутри заряды концептуальной фиксации: пилоны раскрылись, словно гарпуны, вгрызаясь в саму ткань сновидческого пространства тысячами стальных анкеров.

Между четырьмя вогнанными сваями вспыхнула полупрозрачная лазурная сетка.

Хаос разлома взвыл. Сущность попыталась сомкнуть челюсти, чтобы перекусить золотой вектор «Озеров-Альфа», но наткнулась на непреодолимое сопротивление. Там, где только что бушевала слепая стихия первобытного раскола, теперь возник четко размеченный участок территории.

|| ПРИМЕНЕН НАВЫК: [Кадастровый Арест Хаоса (Ранг: Демииург)] ||

	Цель: [Архитектор Тектонического Разлома]	
	Результат: Присвоен кадастровый номер: 00:00:0000001:СВЕРХКОШМАР-РАЗЛОМ-4	
	Площадь аномалии ограничена: 440 квадратных километров упорядоченного базиса	
	Подвижность цели снижена на 94.6%!	
	Сопротивление стихии переведено в категорию: «Плановые земляные работы»	

Чудовищный разлом замер, скованный линиями разметки. Он больше не мог двигаться хаотично — теперь он был зарегистрирован в реестре сущего, а значит, подчинялся законам топографической статики.

Но победу праздновать было некогда.

Сверху, из клубящегося смоляного марева, беззвучно, словно падающий саван, рухнул второй архетип — Левиафан Слепого Времени.

Это существо не имело плоти вовсе. Оно состояло из миллиардов лет абсолютной, глухой тьмы, царившей на планете до появления первого фотосинтезирующего микроорганизма. Это была тьма эпохи, когда некому было смотреть на мир, а следовательно, мир не обладал цветом, формой и смыслом.

Левиафан накатился на «Азимут-Ноль», смывая золотое сияние вектора волной леденящей пустоты. Защитные экраны мостика мгновенно почернели. Свет дежурных ламп потускнел, нити накаливания внутри колб истончились до микроскопической паутины.

— Мои глаза... — прошептала Амалия, роняя секстант. Девушка схватила за лицо. Из-под ее тонких пальцев струилась серая мгла. — Вадим, я не вижу звезд... Я не вижу ориентиров! Небесной сферы больше нет! Ее никогда не было! Зачем мы что-то измеряем, если вселенной все равно?!

— Спокойно, навигатор, — Вадим шагнул к ней, властно перехватил ее запястья и отвел руки от лица. Его карие глаза горели непоколебимым, жестким золотым огнем активного навыка восприятия. — Звезды есть. Даже если небо мертво, звезды есть здесь.

Он коснулся ее лба пальцем, оставив на бледной коже сияющую светящуюся метку в форме равносостороннего геодезического треугольника.

— Передать управление наведением на мой центральный терминал. Включить внутренний контур освещения «Люкс Демииурга». Если планета спала вслепую, мы заставим ее прозреть.

Вадим резко развернулся к главному пульту. Перед ним возвышалась круглая линза пространственного планшета. Одним движением он сорвал защитную чеку с рукояти Метрического Эспадрона и с размаху вонзил острое клинка точно в центр медного диска — в точку с координатами (0, 0, 0).

— Активация коронного умения двенадцатого круга! — провозгласил он, и голос его раскатился по кораблю громовым раскатом, перекрывая вой первородной тьмы. — [Генеральная Триангуляция Бытия]! Да будет свет демаркации!

От точки удара во все стороны брызнули ослепительные геодезические лучи. Они прошли обшивку мостика, не повреждая металл, и вырвались в открытое пространство Сверхкошмара шестью расходящимися веерами абсолютной белизны.

Это была магия чистой геодезии — древнейшее искусство отделять свет от тьмы путем проведения первой межи.

	АКТИВИРОВАН СВЕРХНАВЫК: [ГЕНЕРАЛЬНАЯ ТРИАНГУЛЯЦИЯ БЫТИЯ]	
	Затрачено маны картографа: 1 800 000 ед.	
	Затрачено концептуальной прочности: 15%	

|| Создана локальная проекция: «Эллипсоид Красовского — Абсолютная Модель» ||
|| Эффект: В радиусе 50 миль любая иллюзия, фантом страха и бесформенный ужас
принудительно ||
|| обретают строгие геометрические контуры и массу! ||

Левиафан Слепого Времени, накатившийся на корабль волной бесформенного ничто, внезапно захлебнулся. Свет триангуляционных лучей вонзился в его аморфное тело, и чудовище начало стремительно отвердевать. Там, где только что была не имеющая границ слепая тьма, проступили граненые плоскости, кристаллические ребра и строго выверенные углы в девяносто градусов.

Сущность лишилась своего главного оружия — неопределенности. Картографическая магия Вадима превратила непостижимый концептуальный ужас в гигантский кусок полированного дымчатого кварца!

— Цель овеществлена! — крикнул Торгрим с нижней палубы. — Она твердая, парни! По ней можно врезать болванкой!

— Отставить болванки, — скомандовал Вадим, тяжело дыша. На лбу его выступили бисеринки пота, сияющие чистым золотом перегрузки маноканалов. — Мы не станем тратить снаряды на дохлый минерал. Таранный режим! Форсировать котлы пространственной тяги! Расколоть этот булыжник нашим форштевнем!

«Азимут-Ноль» взревел всеми восемью гиперпространственными турбинами. Из дюзов вырвались столбы ионизированной плазмы, оставляя за кормой кипящий след из разорванных сгустков ноосферной эктоплазмы. Тяжелый бронированный нос корабля, усиленный клиновидным тараном из адамантитовой стали, устремился вперед, прямо в сверкающую сердцевину овеществленного архетипа.

Удар был такой силы, что на мостике с потолочных балок посыпались заклепки. По защитному колпаку побежали паутины микротрещин. Но адамантит выдержал.

Превращенный в кристалл Левиафан с оглушительным, похожим на взрыв динамитной фабрики грохотом раскололся на миллиарды сверкающих осколков. Целые айсберги застывшего страха полетели во тьму, распадаясь на безопасные светящиеся искры чистого опыта.

	СОБЫТИЕ: УНИЧТОЖЕН ПЕРВОБЫТНЫЙ АРХЕТИП [Левиафан Слепого Времени]	
	Получено опыта: +120 000 000 000 EXP!	
	Получен предмет: [Сердце Окаменевшей Эпохи] (Ранг: Божественный Артефакт Картографии)	
	Свойство предмета: Позволяет прокладывать маршруты сквозь временные петли без потери точности	
	Штраф слоя «Сверхкошмар» временно нейтрализован в радиусе хода судна!	
	Скорость продвижения по вектору «Озеров-Альфа» увеличена на 300%!	

— Пробили! — выдохнула Амалия, бросаясь обратно к консоли навигации. Ее глаза снова сияли прежней уверенностью. Пальцы запорхали по латунным клавишам координатного сумматора. — Мы вышли на расчетную глассаду! Горизонт очищается! Но... Вадим, посмотри на сканеры глубины.

Вадим вытер тыльной стороной перчатки кровь, выступившую из ноздри от колоссального напряжения ауры, и шагнул к центральному экрану.

Там, куда вел золотой луч «Озеров-Альфа», тьма Сверхкошмара не просто расступалась — она обрывалась вертикальным, абсолютно гладким циклопическим уступом.

Это был Великий Сброс. Граница, отделяющая подсознание планеты от ее истинного метафизического нутра — Сферы Нерожденной Материи, за которой лежало само Ядро Первотворения.

Но прямо на краю этой бездны, свернувшись в чудовищное кольцо, лежало то, ради чего планета вообще создала Слой Сверхкошмара.

Ее главный, самый сокровенный и чудовищный страх.

|| ВНИМАНИЕ! ОБНАРУЖЕН СТРАЖ БЕЗДНЫ: [ОУРОБОРОС НЕКАРТИРОВАННОГО МИРА] ||

|| Класс: Абсолютный Архетип Конечной Энтропии ||

|| Уровень: ??? (Превышает порог считывания на 40 уровней) ||

|| Описание: Сущность, рожденная ужасом планеты перед тем, что однажды она будет полностью познана, ||

|| измерена, поделена на участки и исчерпана до последнего атома. ||

|| Пассивное поле: [Абсолютная Погрешность] — Любые расчеты в радиусе 100 км дают искажение в 180 градусов! ||

Оно было гигантским. Змей, сотканный из густого тумана сомнений, неевклидовых узлов и черных дыр вместо чешуи, кусал собственный хвост, замыкая собой проход к Ядру. Внутри его полупрозрачного кольца бурлила пустота, в которой не существовало направлений: там не было ни верха, ни низа, ни севера, ни юга.

Попытаться пролететь сквозь него обычным курсом означало бы войти внутрь бесконечной рекурсивной ленты Мебиуса и блуждать там до тепловой смерти вселенной.

— Все расчеты сбоят! — в панике вскрикнул младший штурман Селезнев. — Автопилот выкручивает рули в обратную сторону! Наш компас показывает, что север находится внутри нашей собственной кают-компании!

— Отключить автопилот, — спокойно распорядился Вадим.

Он подошел к переднему краю мостика, опёрся обеими руками на дубовые полированные перила ограждения и посмотрел вниз, в слепые, бездонные провалы глазниц Оуробороса.

Змей медленно поднял колоссальную плоскую голову, размером превосходящую весь крейсер со всеми его орудийными башнями и жилыми секциями. Из его пасти капала едкая слюна парадокса, которая, падая на луч «Озеров-Альфа», заставляла золотой свет шипеть и распадаться на тусклые, серые фракталы неопределенности.

— *Зачем ты пришел, Измеритель?..* — этот голос раздался не в ушах, а прямо в мозгу каждого живого существа на корабле. Он звучал как шорох осыпающегося песка на могиле цивилизации. — *Ты принес с собой цепи координат... Ты хочешь запереть живой, дышащий хаос в мертвую клетку твоих параллелей и меридианов... Оставь нас во тьме. Тьма бесконечна. Во тьме есть покой. На твоей карте для нас уготована лишь смерть...*

Экипаж замер. Вадим чувствовал, как воля его людей начинает колебаться. Это был не грубый ментальный удар, это был вкрадчивый яд философского согласия. Зачем бороться? Зачем прорываться сквозь боль к неведомому Ядру, если можно просто лечь в дрейф, погасить топки и раствориться в уютном, всепрощающем небытии первозданного сна?

— Вадим... — тихо позвала Амалия, и в ее глазах отразилась эта манящая серая пустота. — Может... он прав? Вдруг за пределами наших карт действительно ничего нет? Вдруг мы просто чертим линии на саване мертвеца?..

Вадим медленно повернулся к ней, затем обвел взглядом замерших офицеров мостика.

На его лице не было гнева. Там царила лишь абсолютная, кристальная ясность человека, который давным-давно, еще сотню томов назад, сделал свой выбор между слепым ужасом неизвестности и гордой жестокостью познания.

— Карта — это не саван, Амалия, — негромко, но отчетливо произнес он. — Карта — это договор между человеком и вселенной. Мы чертим линии не для того, чтобы убить хаос. Мы чертим их, чтобы в этом хаосе мог выжить путник.

Он выпрямился во весь рост и поднял правую руку. На его среднем пальце тускло блеснул платиновый перстень с гравировкой: *«Терра Инкогнита умереть должна»*.

— Слушать мою команду, — приказал Вадим, и пространство мостика задрожало от скрытой мощи его голоса. — Поднять главное зеркало Золотого Теодолита на угол максимального параллакса. Энергию всех двенадцати реакторов перенаправить в фокусирующую призму монокля.

— Вадим Сергеевич! — ахнул Корнеев по селектору. — Предохранители сгорят к чертям собачьим! Это же прямое короткое замыкание на матрицу вашей души!

— Пусть горят, — холодно отозвался Вадим. — Душа Картографа для того и создана, чтобы служить маяком там, где погасли все солнца.

Он шагнул к массивному окуляру теодолита и прижался к нему глазом.

В ту же секунду его тело пронзила нечеловеческая вспышка боли. Двенадцать реакторов крейсера замкнулись на его ауру, выкачивая духовную энергию миллионами единиц в секунду. Вены на его шее и висках вздулись, окрасившись в фосфоресцирующий лазурный цвет.

Перед его взором распахнулась истинная анатомия Оуробороса Некартированного Мира.

Чудовище не было монолитом. Оно состояло из бесконечного клубка спутанных нитей — триллионов непроверенных гипотез, ложных троп, заблудившихся экспедиций и слепых страхов планеты. И в самом центре этого узла, там, где хвост входил в пасть, билась крошечная, размером с песчинку, точка абсолютной уязвимости.

Точка несовпадения масштаба. Нулевая невязка.

— Я вижу твою погрешность, тварь, — прохрипел Вадим сквозь стиснутые до крошева зубы. — Ты не бесконечен. Ты просто плохо сосчитан!

Он резко крутанул барабан микрометра, совмещая перекрестие тончайших паутинных нитей окуляра точно с этой искрой.

урга]		ПРИМЕНЕН УЛЬТИМАТИВНЫЙ НАВЫК: [Абсолютная Нивелирная Засечка Деми-
		Задействован резерв сущности: 40% Жизненной Силы Пользователя
		Фокусировка: 1:1 к масштабу Первотворения
узла		Цель: [Оуроборос Некартированного Мира] — Критическая точка топологического

Из центрального зеркала теодолита, расположенного на шпигеле главной мачты «Азимута-Ноль», ударил луч такой ослепительной мощи, что само сновидческое пространство вокруг корабля превратилось в чистую, белую бумагу.

Это был не луч тепла или кинетической энергии. Это был луч Абсолютного Определения.

Он ударил точно в пасть Оуробороса, в место сочленения его головы и хвоста.

Змей издал звук, от которого зазвенели переборки и лопнули последние смотровые щели вспомогательных рубок. Это был вопль геометрического разоблачения.

Там, куда вонзился луч Вадима, кольцо бесконечности разомкнулось. Узел развязался. Исполинское туловище змея, лишенное защитного парадокса закольцованности, начало стремительно выпрямляться, превращаясь из бесконечного ужаса в обычную прямую линию — банальный отрезок пути между точкой А и точкой Б!

— Он распадается на векторы! — закричала Амалия, вцепившись в плечо Вадима. — Командор, он больше не уроборос! Он стал маршрутом!

— Всем постам! — Вадим оторвался от окуляра. Из его правого глаза текла тонкая струйка золотистой крови, но взгляд оставался острее ланцета. — Полный ход вперед! Мы не обьежаем препятствие. Мы идем прямо по его хребту!

«Азимут-Ноль» на полной скорости врезался в сияющую полосу распрявленного змея.

Грохот раскалывающейся пустоты заглушил вой сирен. Металлический корпус корабля стонал, обшивка трещала, но корабль шел вперед, как тяжелый бронепоезд, намертво вставший на идеальные, прямые рельсы новорожденной координаты.

Слой Сверхкошмара вокруг них начал осыпаться черными хлопьями пепла, словно декорации в сгоревшем театре. За ними, за разорванной тканью первобытных страхов, открывалась великая, безмолвная, сияющая чистейшим первозданным золотом бездна.

Они падали сквозь разбитый кошмар прямо к сердцу мира.

|| СИСТЕМНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ: СЛОЙ СВЕРХКОШМАРА УСПЕШНО ДЕМАРКИРОВАН И ПРЕОДОЛЕН! ||

|| Первобытные архетипы страха каталогизированы и внесены в Имперский Реестр Неподвижного Пространства ||

|| Бонус первопроходца: Титул «Тот, Кто Измерил Бездну» ||

|| Прочность геодезического вектора «Озеров-Альфа»: 100% (Статус: Монументальный) ||

|| Впереди по курсу: Входная Брама Ядра Первотворения ||

|| Расстояние до финальной отметки: 3 000 метрических миль ||

Вадим медленно опустил дрожащую руку, нащупал в кармане кителя шелковый платок и промокнул лицо.

Корабль вынырнул из тьмы в ошеломляющее пространство спокойствия. Здесь не было ветра, не было гравитации, не было криков безумия. Вокруг простирался бескрайний океан жидкого первичного эфира, над которым покачивались грандиозные геометрические кристаллы правильных платоновых тел размером с луны.

А прямо по курсу, в самом центре этого безмолвного величия, пульсировало ослепительное, невыразимо прекрасное Ядро — первозданная точка, из которой когда-то родилась эта планета, и в которой сейчас спал ключ к полному переустройству всей галактической ткани.

— Доложить о повреждениях, — тихо сказал Вадим в наступившей тишине мостика.

— Трещины по левому фальшборту затянуты ремонтной пеной, — с благоговейным шепотом отозвался Торgrim. — Орудия разряжены и охлаждаются святой дистиллированной водой. Потерь в экипаже нет, шеф. Только седых волос прибавилось у половины палубной команды.

— Это поправимо, — Вадим подошел к Амалии и ободряюще сжал ее плечо. Девушка слабо улыбнулась ему в ответ, вытирая слезы облегчения.

Затем он вновь взглянул на горизонт, где вращались колоссальные золотые кольца преддверия Ядра.

— Рулевой, держи нос на нулевой меридиан источника. Мы прошли кошмары. Теперь пришло время забить последний колышек.

Глава 3. Ловцы Снов Империи

Первичный эфир за иллюминаторами мостика переливался густой, маслянистой бирюзой, в недрах которой беззвучно пульсировали нити нерожденных галактик. Корабль «Озеров-Альфа» скользил сквозь эту неподвижность почти без вибрации — гироскопы и стабилизаторы гравитационной геодезии, исчерпав резервы в схватке с первобытными кошмарами, наконец-то вошли в штатный режим самовосстановления. В воздухе все еще витал едкий

запах горелого текстолита, жженой изоляции и освященной ремонтной мастики, но паника уже отступила, уступая место звенящей, почти благоговейной тишине.

Вадим стоял у центрального тактического планшета, опираясь ладонями на полированный латунный обод навигационного стола. Перед его глазами мерно угасали янтарные строки системных отчетов, уступая место новым, куда более монументальным оповещениям интерфейса:

ВНИМАНИЕ: АКТИВИРОВАН ПАССИВНЫЙ ЭФФЕКТ ТИТУЛА ||
«Тот, Кто Измерил Бездну» (Уровень: Абсолютный Первопроходец) ||

||

• Восприятие геодезических искажений: +450% ||
• Сопротивление догматическому гипнозу и онейро-давлению: +80% ||
• Скорость расчета векторных реперов в нестабильной среде: x3.2 ||
• Особое свойство: «Право Первого Нивелира». Любая точка пространства, ||
зафиксированная вашим теодолитом, получает статус Неделимой Реальности ||
сроком на 120 секунд. ||

— Шеф, вы бы присели, — Торgrim шумно вздохнул, утирая засаленным рукавом закопченное лицо. Дворф-механик держал в тяжелой мозолистой руке разводной ключ с манометром давления маны, и от его бороды пахло машинным маслом и ладаном. — У вас жилы на висках пульсируют так, будто вы прямо сейчас пытаетесь вручную повернуть планетарную ось. Мы вырвались. Слышите? Кошмары захлебнулись в собственной желчи.

— Мы вырвались из пасти чудовища, Торgrim, но вошли в его желудок, — не оборачиваясь, отозвался Вадим. Голос его звучал глухо, с металлической хрипотцой, появившейся после трех суток непрерывного сканирования аномалий. — Посмотри на показания плотности среды. Эфир чист, но эта чистота искусственная. Слишком гладко. Слишком правильно.

Амалия, сидевшая в кресле сенсорного оператора, подняла голову от голографического кристалла. Ее тонкие пальцы, унизанные серебряными кольцами-резонаторами, слегка подрагивали, расправляя прядь светлых волос, прилипших ко лбу.

— Вадим прав, — тихо произнесла она, вглядываясь в рябь интерференционных полос. — В радиусе пятисот миль нет ни одного спонтанного флуктуационного вихря. В нормальном море первичного творения мысли хаотичны, они рожают спонтанные рифы и блуждающие миражи. А здесь... словно кто-то прошелся гигантским горячим утюгом по ткани мироздания. Все принудительно уложено в прокрустово ложе одного-единственного сна.

Вадим активировал оптический визор. Его правый глаз, замененный артефактным триангуляционным моноклем седьмого ранга, щелкнул серией микроскопических линз. Золотые кольца входной Браны Ядра Первотворения в трех тысячах миль впереди казались неподвижными колоссами, обрамляющими сияющий горизонт событий. Но между «Озерным-Альфа» и этими вратами пространство не было пустым.

Над зеркальной гладью жидкого эфира парили исполинские платоновы тела: додекаэдры из белого матового мрамора размером с орбитальные станции, полупрозрачные октаэдры сапфирового льда и мерцающие икосаэдры, грани которых отражали несуществующие созвездия. Они дрейфовали в абсолютной гармонии, словно расставленные неведомым гигантом фигуры на шахматной доске.

И между этими фигурами уже натягивалась паутина.

|| ТРЕВОГА: ЗАФИКСИРОВАНО ГЛУБОКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В МАТРИЦУ СНОВИДЕНИЯ ||

|| Источник: Сигнатуры Регулярного Флота Ноосферной Экспансии ||

|| Класс угрозы: Экстерминатус-Конвой Империи ||

|| Идентификация: 1-й Ударный Корпус Сомнабул («Ловцы Золотого Догмата») ||

|| Количество вымпелов: 14 тяжелых онейро-крейсеров, 36 фрегатов перехвата ||

|| Статус готовности врага: Фаза Глубокого Резонансного Сна (Уровень 5) ||

Пространство перед кораблем взорвалось не звуком — звуку не в чем было распространяться, — а ядовито-пурпурной вспышкой ментального давления. Эфирная гладь пошла концентрическими трещинами, похожими на битое зеркало. Из этих разломов, вздымая волны кипящей эктоплазмы, один за другим начали всплывать исполинские силуэты.

Это не были обычные механические звездолеты или магические барки. Имперские Ловцы Снов строили свои суда из костей древних титанов сна, сплавленных с адамантитовой броней и оплетенных золотой филигранью запретных печатей. Носы крейсеров венчали скульптурные маски спящих титанов с защитными золотой проволокой веками. По бортам тянулись тысячи весел-резонаторов, которые не гребли, а рассекали эфир, навязывая реальности жесткую, механическую волю Императора-Сновидца.

— Проклятье праотцев! — рявкнул Торгрим, судорожно вцепившись в консоль энерго-распределения. — Откуда здесь имперские псы?! Мы же запечатали сектор Девятого Кошмара!

— Они не шли через Бездну, — холодно ответил Вадим, его палец уже чертил на тактической карте первые линии привязки. — Они спали здесь. Ждали нас. Империя знала координаты Браммы задолго до того, как мы вышли из фактории. Они перевели экипажи в стазис комы, заглушили реакторы и превратили свои корабли в неподвижные топографические аномалии. А когда сработал мой триангулятор при выходе из Бездны, наш собственный вектор пробудил их спящий протокол.

— Они выходят на боевой курс! — вскрикнула Амалия, ее глаза расширились от ужаса. — Вадим, их сканеры фиксируют нас! Ментальная волна... Боги, сколько их там?! В их трюмах тысячи синхронизированных медиумов! Они объединяют разумы в один спящий кулак!

Воздух на мостике мгновенно потяжелел. В ушах экипажа зазвучал монотонный, усыпляющий колокольный звон — древняя литургия Забвения, с помощью которой Ловцы Снов стирали личности мятежных миров. Вокруг «Озерова-Альфы» оптическая ткань пространства начала прогибаться внутрь, словно корабль падал в воронку гигантского водоворота.

|| ВНИМАНИЕ: ПРОТИВНИК ПРИМЕНЯЕТ СЕТКУ «ДОГМАТИЧЕСКИЙ АРКАН» ||

|| Скорость судна снижена на 64% ||

|| Энтропийное сопротивление рулей: КРИТИЧЕСКОЕ ||

|| Вражеский флагман «Левиафан Догмы» производит захват целеуказания ||

|| До залпа онейро-торпед главного калибра: 45 секунд ||

— Орудия правого борта зарядить осколочными зарядами с белым фосфором! — взревел Торгрим в интерком. — Защитное поле на максимум! Примем бой, шеф! Разнесем их к свиньям собачьим, пусть захлебнутся своими снами!

— Отставить орудия, — резко скомандовал Вадим.

— Что?! — Торгрим замер, ошарашенно уставившись на капитана. — Шеф, их полсотни! Они сомнут наш фальшборт одним залпом! Нас разорвет на атомы идеи!

— Если мы откроем огонь, мы подтвердим их физическую модель, — Вадим стремительно подошел к главному геодезическому блоку и сдернул бархатный чехол со своего глав-

ного инструмента — тяжелого теодолита из полированного метеоритного орихалка. — Их корабли плывут не по законам Ньютона и не по законам баллистики. Они спят. Их курс держится на коллективной вере экипажей в то, что перед ними прямая линия, начертанная их адмиралом. Если мы выстрелим — мы станем материальной мишенью. Мы дадим им точку опоры.

Вадим повернул микрометрический винт теодолита. Золотистая сетка визира спроецировалась прямо на панорамный экран мостика, накладываясь на приближающуюся армаду имперцев.

— А мы не дадим им опереться ни на что. Амалия, отключи маневровые дюзы. Перевести всю свободную энергию реактора на топографический проектор «Зенит-12».

Девушка на мгновение заколебалась, но, взглянув в абсолютно спокойные, холодные глаза Вадима, без лишних слов ударила ладонью по тумблерам распределителя. Ровный гул двигателей «Озерова-Альфа» стих. Корабль замер, превратившись в безжизненную металлическую песчинку среди величественных кристаллов.

— Торgrim, держи ручной сброс давления в омни-магистральной. Когда я скажу «ноль» — сбрось контур охлаждения прямо в открытый эфир. Создай локальную точку конденсации плотности.

— Сделаю, шеф... Но если мы стоим, они же просто расстреляют нас в упор!

— Чтобы выстрелить в цель, нужно знать, где она находится, — осканился Вадим. В его пальцах вспыхнул рабочий геодезический карандаш с грифелем из прессованного первовещества. — А здесь топографию диктую я.

Армада Ловцов Снов приближалась клином. Впереди шли три тяжелых фрегата типа «Морфей» — хищные, узкие клинья из черной кости, чьи носовые таранные бивни уже искрились багровыми молниями психо-кинетических торпед. За ними, разворачиваясь в сокрушительную дугу, надвигались бронированные громады крейсеров. На их верхних палубах стояли сотни неподвижных фигур в серебряных балахонах — жрецы-сомнабулы, погруженные в каталептический транс, чьи объединенные мозговые волны вели корабли сквозь пространство.

В их коллективном сне «Озерова-Альфа» был неподвижной добычей, загнанной в угол на координатах [X: 144.22; Y: 890.11; Z: 0.00].

Вадим прильнул к окуляру теодолита.

|| АКТИВИРОВАН КЛАССОВЫЙ НАВЫК: «ЛОЖНЫЙ ТРИАНГУЛЯЦИОННЫЙ РЕПЕР» (РАНГ 10) ||

|| Расход маны: 12 000 ед. / сек. ||

|| Точность построения проекции: 99.98% ||

|| Выберите базовую поверхность: Грань Додекаэдра «Альфа-7» ||

|| Коррекция угла дифракции: -14 градусов по дуге Клейна ||

— Нулевой меридиан — сдвиг, — прошептал Вадим.

Его рука уверенно провела резкую диагональную черту по сенсорному стеклу планшета.

Внезапно в полумиле по правому борту «Озерова-Альфа», в абсолютно пустом пространстве между двумя плавающими кристаллами, вспыхнула ослепительная точка — мнимый геодезический маяк. Для обычного взгляда это была всего лишь искра золотого света, но для навигационных систем и слепых медиумов имперского флота эта точка закричала сотнями тысяч децибел искаженной реальности.

Вадим не просто создал голограмму. Используя свойства своего титула «Тот, Кто Измерил Бездну», он на мгновение изменил метрику пространства, объявив пустоту абсолютным гравитационным центром масс.

— Первая тройка перехватчиков клюнула! — крикнула Амалия, следя за показаниями сканера. — Их навигационные кристаллы перегружены! Они видят нас там, у монолита!

Тяжелые фрегаты типа «Морфей», шедшие на гиперзвуковой скорости скольжения по эфиру, синхронно повернули носовые орудия. Их экипажи, скованные общим трансом, не анализировали визуальную картинку — они верили импульсам ментального фокуса. В их сознании силуэт «Озерова-Альфа» находился ровно в створе между двумя исполинскими гранями парящего додекаэдра.

— Огонь из всех носовых эмиттеров! — пронесся по эфирным каналам ментальный приказ флагмана.

Три чудовищных сгустка концентрированного ночного бреда — багровые плазмоиды, способные расплавить тектоническую плиту, — сорвались с носовых орудий фрегатов. Но они полетели не в «Озеров-Альфа». Они устремились в пустоту, прямо к зеркальной грани платонова монолита.

— А вот теперь — угол отражения равен углу падения, господа догматики, — сквозь зубы бросил Вадим, быстро вращая лимб верньера.

АКТИВИРОВАНО УМЕНИЕ: «ОПТИЧЕСКИЙ РЕВЕРС МЕТРИКИ»
Физическое свойство поверхности монолита изменено:
Поглощение 0% —> Идеальное Онейро-Отражение 100%
Коэффициент возврата вектора: x2.0

Грань титанического додекаэдра, до этого казавшаяся шероховатым камнем, мгновенно вспыхнула ртутным зеркальным блеском. Багровые торпеды сомнабул врезались в нее под углом в сорок пять градусов — и вместо того, чтобы взорваться, с идеальной математической точностью срикошетили обратно в строй имперцев.

Ведущий фрегат «Онейрокласт» даже не успел заложить вираж. Собственные снаряды, усиленные отражением от первозданной геометрии кристалла, ударили ему точно в днище, пробивая адамантитовые кили и детонируя онейро-реакторы.

Беззвучная ослепительная сфера аннигиляции раздулась посреди эфирного океана. Корабль разорвало пополам, словно гнилую щепку. Останки титанических костей и обломки брони брызнули во все стороны, превращаясь в смертоносную шрапнель.

Второй фрегат, шедший в кильватерном строю, попытался уклониться, но его спящие рулевые были слишком жестко завязаны на единую ментальную траекторию. Корабль задел пылающие обломки собрата, потерял остойчивость и вошел в неуправляемый штопор, вспарывая веслами эфирную гладь.

— Минус два! — взревел Торgrim, ударив кулачищем по переборке. — Вот это топография! Вот это я понимаю — разметка трассы!

— Рано радоваться, — оборвал его Вадим. Его виски покрылись испариной, а цифры запаса маны в правом углу обзора стремительно таяли. — Это был авангард. Главные силы перестраиваются. Смотрите на флагман.

Тяжелый крейсер «Левиафан Догмы» — трехкилометровый монстр, закованный в пластины черного обсидиана и золота — медленно поднимал свой нос. На его командном балконе вспыхнул колоссальный нимб: Легат-Сомнабула лично вмешался в управление боем. Это был онейро-маг девяностого уровня, чей разум мог подчинять целые звездные системы.

— ВНИМАНИЕ, СЛЕПЦЫ, — раскатился в сознании каждого члена экипажа «Озерова-Альфа» ледяной голос, сопровождаемый давящим запахом тлена и лаванды. — ВАША ГЕОМЕТРИЯ — ЕРЕСЬ. ПРОСТРАНСТВО ПРИНАДЛЕЖИТ ИМПЕРАТОРУ. ВСЕ ЛИНИИ ВЕДУТ В ЕГО ПОКОИ. ПРЕКРАТИТЬ ДВИЖЕНИЕ. СКЛОНИТЕСЬ ПЕРЕД АБСОЛЮТНЫМ ПОКОЕМ.

Ментальный удар был такой силы, что бронированные стекла мостика покрылись паутиной микротрещин. Амалия вскрикнула, зажав уши ладонями, из-под ее пальцев брызнула алая кровь. Торгрим покачнулся, опустившись на одно колено и судорожно хватая ртом воздух.

|| ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ПСИХО-ТОПОЛОГИЧЕСКИЙ УДАР «ВЕЛИКИЙ СТАВИС»

||

	Попытка переписать локальные законы физики:	
	Инерция аннулируется. Все векторы движения принудительно	
	замыкаются на центр массы флагмана противника.	
	Время до коллапса вашей системы координат: 20 секунд	

Оставшиеся сорок с лишним кораблей имперской армады начали синхронное движение. Они не стреляли. Они просто шли вперед единым неодолимым клином, создавая перед собой гравитационный сдвиг колоссальной массы. Их сомнабулы спали так глубоко и истово, что само пространство прогибалось под их верой: они верили, что перед ними гладкая, ровная пустота, и все, что не соответствовало этой вере, должно было быть раздавлено в порошок.

«Озеров-Альфа» неумолимо потащило навстречу этой стальной стене.

— Вадим... — прохрипела Амалия, пытаясь удержать ментальный щит. — Я не могу разорвать связь... Их слишком много! Их сны спаяны золотыми цепями! Они видят только флагман... Они летят за ним, как слепые овцы за вожаком!

— Как слепые овцы, говоришь? — Вадим вытер рукавом кровь, пошедшую из носа от запредельного напряжения воли. Его глаза лихорадочно горели. — Идеальная синхронизация — это не сила, Амалия. В топографии это называется «критической хрупкостью единой оси». Если рушится базисный меридиан — рушится вся триангуляционная сеть.

Вадим схватил со стола массивный латунный штангенциркуль с делениями из звездного серебра и с размаху вонзил его в центральную точку тактического проектора.

— Торгрим! Сброс охладителя! Сейчас!

— Есть сброс! — взревел карлик, дергая рычаг пневматического клапана.

Из кормовых дюз «Озерова-Альфа» с шипением вырвались сотни тонн переохлажденной тяжелой эктоплазмы. Вступая в реакцию с неподвижным первичным эфиром, она мгновенно кристаллизовалась, создавая позади корабля гигантский хвост из микроскопических ледяных призм.

Но Вадим не собирался прятаться за дымовой завесой.

	АКТИВИРОВАНО ВЕЛИКОЕ УМЕНИЕ КЛАССА «ГЛАВНЫЙ ТОПОГРАФ»:	
	«ЛОЖНЫЙ ГОРИЗОНТ: ЛИСТ МЁБИУСА»	
	Исходные данные: 36 фрегатов, 12 крейсеров в единой ментальной сети.	
	Цель: Векторная инверсия путевых координат противника.	
	Затраты: Свиток «Нулевой Азимут Древних» (РАСХОДОВАНО)	
	Внимание: Кривизна пространства в зоне атаки увеличена до бесконечности!	

Вадим выдернул из кармана ветхий пергаментный свиток, испещренный светящимися рунами первотворцов, и сжал его в кулаке. Свиток вспыхнул ослепительным серебряным пламенем, пепел которого мгновенно втянулся в окуляр теодолита.

— Слушайте меня, спящие псы! — прорычал Вадим, и его голос, многократно усиленный омни-передатчиком, разорвал литургию имперских колоколов. — Вы забыли первое правило навигации: нельзя прокладывать курс по звездам, если небо фальшивое!

Он резко крутанул верньеры теодолита, переkreщивая оптические оси.

В глазах сотен спящих штурманов на имперских кораблях привычная прямая линия догмата внезапно надломилась. Вадим не стал атаковать их броню или щиты. Он атаковал саму математическую основу их общего сна.

С помощью кристаллизованного шлейфа эктоплазмы и оптических граней дрейфующих платоновых тел Вадим сплел гигантскую топографическую иллюзию. Пространство перед имперским флотом свернулось в топологическую петлю — бутылку Клейна невероятных масштабов.

Для левого крыла имперской армады флагман «Левиафан Догмы» внезапно «сместился» на сорок градусов вправо и на километр вниз.

Для правого крыла — тот же флагман оказался прямо по курсу, нодвигающимся навстречу с удвоенной скоростью.

А сам флагман, ослепленный зеркальным реверсом, зафиксировал «Озерова-Альфа» ровно позади строя собственных тяжелых крейсеров.

— КУРС ИСПРАВЛЕН! — раздался в эфире панический, механический голос бортового искина флагмана. — ЦЕЛЬ МАНЕВРИРУЕТ! ВСЕМ ВЫМПЕЛАМ — ФОРСАЖ! УДЕРЖИВАТЬ СТРОЙ ПО ОСЕВОМУ МАЯКУ!

— Идиоты... — прошептала Амалия, заворуженно глядя на тактический экран. — Они же... они же ускоряются!

— Они не могут иначе, — жестко произнес Вадим. — Догмат запрещает сомневаться в приказе. Если приказ гласит таранить цель — они будут таранить ее даже во сне.

То, что произошло дальше, вошло бы в анналы военной геодезии как «Катастрофа на Нулевом Меридиане», если бы в живых остался хоть один имперский летописец.

Двенадцать тяжелых онейро-крейсеров второй линии, получив искаженные координаты истинного курса, синхронно врубили маршевые двигатели на полную мощность. Их гигантские адамантитовые носы, увенчанные защитными масками, рассекли эфир, развивая околосветовую скорость скольжения.

Они летели точно по начертанному для них вектору. Но вектор этот Вадим замкнул в глухую восьмерку.

Два крейсера левого фланга — «Святой Морфей» и «Длань Забвения» — на полном ходу влетели в строй собственных фрегатов прикрытия. Шедшие плотным строем легкие корабли просто расплющило о массивные форштевни крейсеров. Броня сминалась, словно фольга, онейро-реакторы лопались, выплескивая фонтаны фиолетового пламени, а обломки затягивало под весла-резонаторы идущих следом гигантов.

Но это было лишь началом.

Справа, повинаясь ложному азимуту, наперерез строю вылетел бронированный дредноут «Экзекутор Снов». Его спящий капитан был абсолютно уверен, что идет на таран непокорного «Озерова-Альфа». На его пути возник исполинский сапфировый октаэдр, в зеркальной грани которого Вадим спроецировал ложный силуэт беглецов.

«Экзекутор» на безумной скорости врезался в монолит из первичного льда.

Раздался пространственный удар такой чудовищной силы, что даже «Озеров-Альфа», находившийся в трех милях от эпицентра, заскрежетал всеми шпангоутами. Сапфировый кристалл раскололся на миллиарды острых, как бритва, ледяных игл размером с многоэтажные дома. И этот смертоносный град, подхваченный кинетической волной взрыва, ударил прямо в борт флагманского «Левиафана Догмы».

— НЕВОЗМОЖНО! — ментальный крик Легата-Сомнабулы превратился в ультразвуковой визг агонии. — ЭТО ИЛЛЮЗИЯ! СТОЯТЬ! ДЕРЖАТЬ ВЕКТОР!

Но удержать строй было уже невозможно. Векторная сеть флота окончательно распалась на хаотичные отрезки.

Корабли Ловцов Снов, лишённые централизованного управления и ослеплённые топографическим миражом, начали врезаться друг в друга. Крейсер «Непреклонный Сон» срезал корму фрегату связи, потерял управление и на полном ходу протаранил машинное отделение флагмана.

Два исполинских корабля сцепились в смертельном объятии. Их золочёные надстройки сминались, орудийные башни вырывало с корнем, тысячи спящих гребцов выбрасывало в открытый эфир, где их тела мгновенно кристаллизовались, превращаясь в призрачные статуи.

Взрыв онейро-реактора «Левиафана» озарил безмолвное пространство ослепительной белой вспышкой. Цепная реакция пошла по всей армаде. Один за другим корабли некогда непобедимого корпуса сомнабул вспыхивали сверхновыми звездами, сталкиваясь, взрываясь и увлекая друг друга в бездонную пучину кипящего первичного эфира.

	СИСТЕМНОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ: БОЕВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО	
	Уничтожено: 14 тяжелых онейро-крейсеров, 36 фрегатов перехвата	
	Потери противника: 100% личного состава армады	
	Прямой урон вашим орудиям: 0 ед.	
	Расход боеприпасов: 0 шт.	

||
	ВЫ ПОЛУЧИЛИ ОПЫТ: +4 800 000 EXP!	
	ВЫ ДОСТИГЛИ 121-ГО УРОВНЯ!	
	Доступно нераспределённых очков характеристик: 25	
	Доступно очков геодезического мастерства: 3	

||
	ПОЛУЧЕНО ДОСТИЖЕНИЕ: «Геометрическая Бойня»	
	Описание: Вы уничтожили превосходящие силы противника исключительно за	
	счет искривления навигационных координат и взаимного тарана.	
	Награда: Пассивный навык «Архитектор Чужих Катастроф»	
	(Шанс критической ошибки навигации вражеских судов рядом с вами: +35%)	

На мостике воцарилась мертвая тишина. Лишь мерно шипели клапаны аварийного сброса давления, да остывающий теодолит Вадима тихо потрескивал, отдавая накопленное тепло.

За бронестеклами простиралось грандиозное кладбище металла и кости. Сотни обломков, медленно кувыркаясь, погружались в бирюзовые глубины эфирного океана. Ни единого выстрела. Ни единого залпа носовых батарей. Армада Империи уничтожила саму себя, ослеплённая собственной непогрешимой верой в несуществующий курс.

Торгрим медленно опустил разводной ключ, шумно сглотнул и с благоговейным ужасом посмотрел на Вадима:

— Шеф... Клянусь бородой праотца всех кузнецов... Я больше никогда в жизни не буду спорить с вашими картами. Вы... вы просто нарисовали им дорогу в ад, и они побежали по ней с песнями.

Амалия медленно поднялась с кресла, прижимая платок к рассечённой брови. На ее бледном лице сияла потрясенная улыбка.

— Они думали, что правят снами, — тихо сказала она. — Но они забыли, что любой сон подчиняется законам пространства, в котором он снится.

Вадим тяжело оперся о стол, чувствуя, как по жилам разливается приятное, густое тепло нового уровня. Мышечная усталость отступала, зрение снова становилось кристально чистым, а в глубине сознания открывались новые, еще более сложные формулы преобразования реальности.

Он взглянул на горизонт.

Дорога к Бrame была абсолютно свободна. Золотые кольца преддверия Ядра вращались в величественном танце, словно приветствуя победителя. Обломки имперского флота больше не заслоняли свет первозданной точки творения.

ТЕКУЩИЙ СТАТУС МИССИИ:
Цель: Входная Брама Ядра Первотворения
Расстояние: 2 100 метрических миль
Помехи на курсе: ОТСУТСТВУЮТ
Прочность геодезического вектора «Озеров-Альфа»: 100%
Статус пространства: Абсолютная Топографическая Доминанта

Вадим убрал штангенциркуль в кожаный чехол на поясе, поправил воротник кителя и спокойно посмотрел на рулевого:

— Продуть маневровые дюзы. Запустить главную турбину. Курс — строго по нулевому меридиану, скорость — три четверти от максимума.

Он подошел к носовому стеклу, скрестив руки на груди, и окинул взглядом сияющие врата впереди.

— Империя выставила свой лучший заслон и проиграла. Теперь нас ничто не остановит. Пора подойти к самому истоку и забить туда наш мерный кол.

Глава 4. Город Забытых Душ

Главная турбина тяжелого разведывательного геодезического фрегата «Меридиан-12» отозвалась низким, утробным гулом, от которого мелко завибрировали бронированные стекла панорамной рубки. Пространство за бортом больше не сопротивлялось. Имперский заслон, еще полчаса назад казавшийся несокрушимой циклопической стеной из искаженных геометрических сингулярностей и броненосцев класса «Эмпирей», превратился в россыпь безвредной топографической пыли. Разорванные в клочья складки иллюзорной метрики медленно оседали на дно астрального вакуума, распадаясь на мерцающие кванты несбывшихся вероятностей.

Вадим стоял у навигационного стола, не отрывая взгляда от центральной голографической проекции. Его пальцы в тонких перчатках из драконьей кожи мерно постукивали по полированной латуни оправы Теодолита Первозданного Нуля. Внутри прибора, взвешенный в капле абсолютного вакуума, бешено вращался сапфировый визир, непрерывно вычисляя поправки на кривизну спящего мироздания.

— Скорость — три четверти. Вектор стабилен, — доложил рулевой, не оборачиваясь. Руки офицера лежали на штурвале из окаменевшего бивня Мнемонического Левиафана, вены на предплечьях пульсировали ровным лазурным светом. — Входная Брама приближается согласно расчетной сетке. Но... господин Архи-Топограф, взгляните на эхолот плотности бытия.

Вадим скользнул взглядом по круговой шкале. Стрелка манометра реальности, обычно замершая на отметке «0.98 Озерова», внезапно дрогнула и поползла вниз. Воздух в рубке ощутимо похолодел, запахло сухой библиотечной пылью, старым пергаментом и озоном, предвещающим грозу в чужих снах.

— Мы входим в зону гравитационного провала памяти, — тихо произнесла подошедшая Амалия.

Она сменила испачканный кровью платок на свежую повязку из шелка фантомных шелкопрядов, которая туго стягивала ее лоб. Глаза девушки горели тем странным, лихорадочным блеском, какой бывает лишь у навигаторов, заглянувших за изнанку седьмого слоя грез. В левой руке она держала узкий хрустальный стилус, непрерывно чертящий в воздухе затухающие глифы пересчета координат.

— Брама не пускает напрямую, Вадим, — продолжала она, всматриваясь в сгущающуюся за бортом мглу. — Имперцы не просто так выставили флот именно здесь. Они знали то, чего не было в официальных атласах Коллегии. Брама окружена анклавом-ловушкой.

СИСТЕМНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ: ВХОЖДЕНИЕ В АНОМАЛЬНУЮ ЗОНУ
Локация: Парящий Некрополис Мнемоса (Класс: Онтический Фрагмент)
Общепринятое наименование: «Город Забытых Душ»
Текущий статус реальности: 0.42 / 1.00 (Фазовый дрейф)
Предупреждение: Высокая концентрация неразрешенных парадоксов!
Активный штраф зоны: Скорость забывания собственных навыков: +12%/час
Сопrotивление Воли Топографа (Уровень 120): Штраф аннулирован

Прямо по курсу, там, где золотые кольца преддверия Ядра должны были сиять ослепительным пламенем творения, пространство начало трескаться и расслаиваться, точно старое зеркало, залитое чернилами. Из рваных туманных испарений медленно, подобно всплывающему со дна чудовищу, проступали исполинские силуэты.

Это был город.

Но не мертвый каменный монолит и не живое поселение плоти и крови. Огромный архипелаг из сотен парящих плато, мостов и циклопических башен висел посреди абсолютного ничто. Архитектура его отрицала всякую логику евклидова пространства: винтовые лестницы вели в пустоту и смыкались сами с собой; готические шпили из дымчатого базальта загибались под немыслимыми углами, переходя в акведуки, по которым струился не жидкий водопад, а мерный поток тускло светящихся рун; огромные арки опирались на облака застывшего серпантина мыслей.

Город застрял между вдохом спящего титана и его последним выдохом. Он не принадлежал ни Яви, где царят жесткие законы сопромата и гравитации, ни Сну, где все подвластно силе воображения. Это был чудовищный топографический тромб в артерии мироздания.

— Приборы сходят с ума, — голос рулевого дрогнул. — Высотомер показывает минус бесконечность, затем — абсолютный зенит. Магнитные линии замкнуты в узлы Мебиуса. Мы теряем горизонт!

— Спокойно, — ровным, металлическим голосом отозвался Вадим.

Он положил ладонь на массивную латунную станину центрального нивелира. Его аура — плотный, густой золотистый купол, расчерченный идеальной сеткой параллелей и меридианов — мгновенно расширилась, выплескиваясь за пределы корпуса корабля на триста саженей во все стороны. Металл обшивки перестал скрипеть под давлением чужеродной метрики.

— Перевести управление на ручной теодолитный привод. Амалия, разверни астролябию Шестого Патриарха. Нам не нужны их магнитные полюса. Мы привяжем этот чертов призрак к моему собственному нулевому уровню.

ПРИМЕНЕН НАВЫК: «Абсолютный Геодезический Базис» (Ранг: Мифический)
Затраты: 14 000 Мп / сек
Эффект: Создание локальной координатной сетки с принудительной фиксацией

	вектора притяжения.	
	Стабильность корпуса фрегата повышена на 450%.	
	Иллюзорное сопротивление пространства подавлено.	

Корабль плавно качнулся и лег на ровный киль, словно войдя в тихую гавань после девятибалльного шторма. По мутным стеклам заструился ровный янтарный свет, разгоняя наползавшие серые тени.

Вадим подошел ближе к обзорной панели и взгляделся в улицы безмолвного исполина. Теперь, когда искажения были частично скомпенсированы его аурой, стало видно: город населен.

По широким проспектам, вымощенным плитами из спрессованного звездного пепла, двигались тысячи фигур. Они напоминали полупрозрачные силуэты из тончайшего дыма, в которые время от времени вкраплялись искры лазурного огня. Существа шли размеренными, бесконечными процессиями, переходили с одного зависшего в пустоте моста на другой, читали свитки, застывали в молитвенных или просительных позах перед гигантскими монолитами — и тут же расплывались, забывая, кто они и куда направлялись.

— Забытые души... — прошептала Амалия, коснувшись стекла кончиками пальцев. — Это же граждане Первой Архивации. Цивилизация Ат-Рам, строители преддверия Ядра. Когда Империя предприняла Первое Запечатывание шесть эпох назад, их просто вычеркнули из реестра сущих. Их мир стерли из памяти Яви, но не позволили раствориться в Сне. Они заперты здесь навечно, в бесконечном круге воспоминаний о собственном несуществовании.

— Их архивариусы, — Вадим прищурился, активируя способность «Око Картографа: Сквозной Срез». — Где они?

В глубине города, на самом высоком парящем острове, возвышалось строение, разительно отличавшееся от призрачных готических башен. Это была идеальная усеченная пирамида из черного обсидиана, опоясанная семью кольцами гигантских шестерен из белого кварца. Шестерни не двигались. Между их зубьями застыли чудовищные цепи из темного света — кандалы онтологического паралича.

Внутри пирамиды сканеры Вадима зафиксировали мощнейший источник упорядоченной информации. Миллионы терабайт древнейших топографических матриц, карт первозданного Ядра и ключей к замкам Браны были запечатаны там. А охраняли этот массив те, кто создавал его: верховные архивариусы Ат-Рам. Они не стали призраками, но их положение было в сто крат хуже.

Они были превращены в живые реперы — краеугольные камни, удерживающие эту турму в стабильном состоянии межуемости.

— Они держат на себе весь вес этого мертвого сектора, — произнес Вадим, и в его голосе зазвенела холодная ярость настоящего мастера, видящего чудовищное осквернение законов мироустройства. — Имперцы не просто уничтожили цивилизацию. Они заставили ее мудрецов стать вечными якорями собственной темницы. Рулевой, сажай корабль на внешнюю террасу пирамиды. Мы идем вниз.

— Господин Архи-Топограф, посадочных платформ нет, — отозвался офицер, взглядываясь в экраны развертки. — Под нами — взвесь плотного эфира и обломки ментальных конструкторов. Днище корабля может срезать при малейшем сдвиге фазы.

— Посадочная площадка будет там, где я забуду первый колышек, — отрезал Вадим.

Он расстегнул кожаный чехол на бедре и извлек тяжелый металлический стержень длиной в локоть. Это был не боевой клинок и не жезл магии. Это был Мерный Штырь Геодезиста Нулевого Ранга, выкованный из метеоритной платины с сердечником из застывшего первородного закона всемирного тяготения.

Выйдя на открытый мостик десантного шлюза, Вадим не обратил внимания на шквальный ветер небытия, трепавший полы его офицерского кителя. Воздух здесь был разреженным до состояния вакуума, но легкие Топографа 120-го уровня давно не нуждались в простом кислороде — его организм питался строго выверенным давлением пространственных констант.

Вадим размахнулся и метнул штырь вертикально вниз.

Снаряд прорезал туманную мглу с глухим свистом, похожим на звук разрываемого шелка. Спустя секунду тишину разорвал не взрыв, а чистый, идеальный звон камертона, заставивший содрогнуться всю парящую пирамиду.

От точки падения штыря по поверхности обсидиановой террасы с чудовищной скоростью побежали золотые линии координатной разметки. Хаос отступил. Рыхлый эфир мгновенно кристаллизовался в несокрушимую монолитную плиту, идеальную горизонтальную плоскость площадью в сотню квадратных саженей.

СФОРМИРОВАН ЛОКАЛЬНЫЙ РЕПЕР № 1
Точность горизонтали: 99.9999%
Девиация исключена. Несущая способность: 500 000 тонн
Статус зоны: Временная Территория Абсолютного Порядка

— Посадка! — скомандовал Вадим по внутренней связи.

«Меридиан-12» плавно опустился массивными посадочными опорами прямо на золотую сетку. Гидравлические стойки с шипением стравили избыточное давление, с трапа уже сбегал штурмовой отряд топографической разведки под предводительством Амалии. В руках бойцов поблескивали нивелирные карабины и геодезические рейки, наконечники которых источали едкий синий огонь истинного зрения.

Вадим сошел по трапу последним. Каждый его шаг отдавался глухим эхом в основаниях древней пирамиды.

Перед ними высились Врата Мнемозины — титанический портал из черного камня, на котором не было ни замков, ни петель. Поверхность врат была покрыта сплошным ковром из выбитых клинописных символов, которые непрерывно шевелились, перестраиваясь в новые слова и смыслы, не позволяя ни единой мысли завершиться.

— Замок Неопределенности, — констатировала Амалия, остановившись в трех шагах от монолита. Ее стилус задрожал. — Тот, кто пытается прочесть эти письма, теряет память о своем имени уже на третьем слоге. Это защита высшего имперского цензора. Чтобы войти, нужно забыть, кто ты, но тогда ты забудешь, зачем пришел.

— Древний имперский трюк, основанный на дешевой софистике и субъективном восприятии, — холодно усмехнулся Вадим.

Он подошел вплотную к вратам и вытащил из внутреннего кармана штангенциркуль из звездного серебра. Инструмент в его руках казался живым продолжением костей и связок.

— Мне плевать на смысл их слов. Меня интересует только шаг резьбы и расстояние между символами. Любой текст — это всего лишь линейный массив точек в двухмерной плоскости.

Вадим развел ножки штангенциркуля ровно на 3.1415 миллиметра и прижал резец к первой блуждающей руне.

— Фиксация масштаба. Аннулирование смыслового дрейфа. Введение единого метрического стандарта.

Он с силой провел инструментом по горизонтальной оси врат, оставляя за собой неглубокую, но ослепительно белую царапину.

Это было не физическое разрушение камня. Это было насилие чистой математической точности над зыбким миром сновидческих парадоксов. Шевелящиеся символы отчаянно

взвизгнули — звук был похож на писк тысяч раздавленных летучих мышей. Они попытались измениться, ускользнуть, спрятаться за метафорами и аллегориями, но белый след от штангенциркуля Вадима действовал как раскаленный утюг на тонкую ткань. Символы застывали, теряли текучесть, превращаясь в самые обычные, неподвижные насечки на мертвом базальте.

С чудовищным скрежетом, не смазанный шесть эпох замок внутри врат провернулся.

Тяжелые плиты весом в десятки тысяч пудов дрогнули и медленно поползли внутрь пирамиды, открывая проход в бездну Великого Атриума Записей.

Внутри царил холод абсолютного нуля.

Воздух был неподвижен, словно застывший хрусталь. Огромный зал терялся в вышине, где вместо потолка кружились медленные галактики из светящейся золотистой пыли — крупиц не востребованного знания. В центре зала, подвешенные в силовых полях на высоте двадцати саженей над полом, висели три исполинских кристалла призматической формы. Каждый кристалл переливался густым, тяжелым аметистовым цветом.

Внутри призм, скрестив ноги и опустив седые бороды до самых колен, сидели трое старцев. Их тела казались выточенными из слоновой кости, глаза были закрыты, а из их висков тянулись тысячи тончайших серебряных нитей, уходящих вниз, в пол зала, где они переплетались с механизмами бесчисленных шестерен.

Архивариусы Ат-Рам.

Они были живы, но их сознание непрерывно сгорало в топке поддержания небытия собственного народа.

— Чужаки... — шепот не раздался в воздухе, он возник прямо в глубине черепных коробков вошедших. Звук был сухим, ломким, как шелест опавших листьев под сапогами могильщика. — Зачем вы пришли нарушить покой небытия? Уходите. Все, что здесь записано — мертво. Все, что мы знали — стерто. Оставьте нас нашему сну без сновидений.

— Ошибаетесь, почтенные, — Вадим шагнул вперед, гулко ступая по зеркальному обסיдиану пола. — Топографическая служба Союза не признает актов стирания без подписи главного ревизора межевания. Ваш сон нарушает генеральный план развертывания реальности в секторе Брам.

Внезапно пространство между Вадимом и парящими кристаллами вздыбилось.

Зеркальный пол вскипел черной жижей, из которой начали с чудовищной скоростью формироваться гротескные фигуры. Это не были демоны или монстры снов. Это были геометрические кошмары — Хранители Забвения, порожденные имперской цензурой. Их тела состояли из обломков циркулей, разорванных карт, текучих чернильных пятен и гигантских ножниц из тусклой бронзы, предназначенных лишь для одного: вырезать целые смысловые пласты из ткани сущего.

|| ВНИМАНИЕ! АТАКА ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНЗОРОВ ||

|| Противники: «Ножницы Редакции» (Уровень 118, Элитный) — 12 единиц ||

|| «Чернильный Колосс Амнезии» (Уровень 122, Босс Локации) ||

|| Свойство врагов: «Несуществующий удар» — атаки игнорируют физическую ||

|| броню и магические барьеры, нанося прямой урон по шкале Памяти Персонажа. ||

Чернильный Колосс — бесформенная гора текучего черного дегтя высотой с четырехэтажный дом — взревел тысячами украденных голосов. Из его плеч выметнулись десятки хлыстов, оканчивающихся лезвиями ножниц. Воздух вокруг них схлопывался, оставляя за собой полосы абсолютной пустоты.

— Держать периметр! — крикнула Амалия, вскидывая нивелирный карабин. Ее отряд мгновенно выстроился в классическое каре, открыв шквальный огонь пулями из концентрированного свинцового факта.

Выстрелы рвали черную массу, но дыры затягивались мгновенно. Чудовища не имели плоти, их невозможно было убить обычным оружием, ибо нельзя уничтожить то, чего официально никогда не существовало.

Один из хлыстов метнулся прямо к горлу Вадима. Бронзовые лезвия разошлись, готовясь отсечь не просто голову, а само воспоминание о том, что Архи-Топограф когда-либо существовал в этой временной ветке.

Вадим даже не шелохнулся.

Он лишь слегка повернул голову и поднял левую руку, в которой блеснул Астральный Отвес — массивный конус из чистейшего рубина на цепочке из перевитых гравитонов.

— Отклонение по вертикали: сорок пять градусов. Ошибка позиционирования: непростительна.

Отвес качнулся.

Хлыст Колосса, не долетев до лица Вадима трех дюймов, внезапно изогнулся под прямым углом и с чудовищной силой вонзился в пол, словно притянутый гравитацией нейтронной звезды. Лезвия ножниц жалобно хрустнули и раскололись на куски.

— Амалия, прекратить бесполезную пальбу, — спокойно бросил Вадим через плечо. — Они питаются вашим вниманием и попытками вступить в диалог. Для нас они — не враги. Они — всего лишь погрешность измерений. Мусор на линзе объектива.

Вадим сделал шаг вперед, и под его ногой вспыхнул золотой круг диаметром в три сажени.

— Развернуть теодолитную треногу. Номер три, номер четыре — забить боковые колья. Начинаем нивелирование нулевого горизонта!

Бойцы отряда, прошедшие с Вадимом через сотни искривленных миров, среагировали мгновенно. Двое сержантов с размаху вогнали тяжелые стальные опоры треноги прямо в обсидиановые плиты пола. Вадим одним плавным, выверенным движением установил на станину латунный корпус Теодолита Первозданного Нуля.

Он прильнул к окуляру.

Мир для Вадима изменился. Пропали стены, пропали жуткие морды чернильных тварей, пропали стоны архивариусов. Осталась лишь бесконечная, кристально чистая трехмерная координатная сетка Вселенной. Вадим видел каждый узел напряженности, каждую фальшивую складку пространства, созданную имперскими цензорами.

Чернильный Колосс взревел и бросился на него всей своей многотонной массой, стремясь расплющить, утопить дерзкого смертного в море забвения.

Вадим не отрывался от окуляра. Его пальцы вращали микрометрические винты наводки с микроскопической точностью.

— Засечка раз: угол места — тридцать градусов, азимут — сто восемьдесят. Ты не стоишь на этой земле, порождение цензуры. Твоя координата «Z» равна нулю.

Он нажал спусковой рычажок прибора.

Из объектива теодолита вырвался тонкий, толщиной с иглу, луч золотого света. Он прошил тушу Колосса насквозь. Чудовище замерло. Та часть его тела, которой коснулся луч, внезапно потеряла свой зловещий черный цвет и превратилась в совершенно обычную, сухую и безвредную сажу, которая тут же посыпалась на пол.

— Засечка два, — Вадим повернул визир на четверть оборота. — Время существования объекта: фиктивно. Поправка на параллакс наблюдателя: минус сто процентов.

Второй луч ударил монстра в основание туловища.

Колосс забил всеми своими щупальцами, но в них больше не было силы. Он начал стремительно усыхать, терять объем, сжиматься, словно дырявый воздушный шар. Твари рангом поменьше — «Ножницы Редакции» — в панике бросились врассыпную, но бойцы отряда Ама-

лии уже перестроили свои нивелиры, перекрестным огнем золотых лучей прижимая их к полу и буквально стирая ластиком математической логики из метрической книги бытия.

— И последнее, — произнес Вадим, поднимая взгляд от окуляра. — Закрытие полигона. Сумма углов треугольника должна равняться ста восьмидесяти градусам. Все, что сверх того — подлежит аннигиляции.

Он ударил ладонью по верхней призме теодолита.

Волна золотого пламени сферическим валом прокатилась по всему Атриуму Записей. Чернильный Колосс даже не успел издать прощального крика — его разорвало изнутри вспышкой абсолютной ясности, и на обсидиановый пол осел лишь тонкий слой серого пепла, который тут же развеялся сквозняком.

Зал погрузился в звенящую, кристальную тишину.

Бойцы тяжело дышали, опуская перегретое оружие. На их лицах сияли восторженные улыбки — они снова видели, как невозможное становилось рутиной под мерной рейкой их командира.

Вадим не стал тратить время на празднование легкой победы. Он подошел к центральному возвышению, над которым висели три кристаллические призмы с плененными старцами.

Цепи темного света, сковывавшие кристаллы, начали вибрировать, пытаясь перестроиться после гибели Колосса, но Вадим уже достал из чехла свой главный инструмент — Двуручный Геодезический Циркуль Времени.

— Амалия, держи луч подсветки на центральной грани. Мне нужна точная проекция их сердечных узлов.

— Есть подсветка! — девушка направила широкий конус лазурного света своего стилуса прямо на среднюю призму.

Внутри кристалла стало отчетливо видно крошечное, размером с грецкий орех, черное семя — имперскую печать забвения, которая пустила корни прямо в духовное ядро верховного архивариуса.

— Варварская работа, — покачал головой Вадим, примериваясь циркулем. — Топорная геометрия эпохи Поздней Бюрократии. Никакого изящества линий, одни сплошные костыли и логические подпорки.

Он развел стальные бранши циркуля, водрузил одну иглу точно на грань кристалла, а вторую вонзил в пол у своего сапога, создавая рычаг невероятной метафизической силы.

— Во имя Первозданного Нуля. Во имя Великой Триангуляции. Снять напряжение в узле! Разомкнуть цепь!

Мышцы под кителем Вадима вздулись так, что затрещали швы. Уровень 120 требовал чудовищного напряжения всех внутренних ресурсов. Его шкала маны опустошалась с пугающей скоростью: минус пятьдесят тысяч... минус сто тысяч... минус двести тысяч единиц! В глазах полыхнуло багровое пламя предельной нагрузки, но руки оставались тверже алмаза.

Он повернул циркуль на тридцать градусов против часовой стрелки.

КРИСТАЛЛЫ ТРЕСНУЛИ.

Звук был подобен звону разбивающегося хрустального колокола размером с гору. Три призмы одновременно раскололись на миллиарды сверкающих осколков, которые осыпались вниз радужным дождем.

Черные цепи лопнули, сворачиваясь в агонии и растворяясь в воздухе.

Три старца плавно опустились на обсидиановый пол. Серебряные нити, тянувшиеся из их висков, с мягким шелестом втянулись обратно под кожу. Их бледные, иссохшие лица начали стремительно наполняться краской жизни, седые волосы темнели, а в закрытых доселе глазах затеплился свет пробужденного разума.

Центральный архивариус — старец колоссального роста в просторной мантии, затканной созвездиями эпохи Первотворения — медленно открыл глаза.

Его взгляд был глубок, как само преддверие Бездны. Он посмотрел на свои руки, сжал и разжал длинные, узловатые пальцы, а затем перевел взор на стоявшего перед ним Вадима, опирающегося на верный теодолит.

— Координата... восстановлена? — голос старца больше не напоминал шелест сухих листьев. Это был звучный, бархатный бас истинного творца миров.

— С точностью до микрона, коллега, — с легким полупоклоном ответил Вадим, пряча циркуль обратно в петли разгрузочного пояса. — Вы находитесь на нулевом горизонте сектора Брамь. Меня зовут Вадим Озеров, Главный Топограф Свободной Разведки. Мы пришли снять с вас арест и забрать карты.

Старец медленно поднялся во весь свой огромный рост. Двое его собратьев по бокам тоже пришли в движение, расправляя затекшие за миллионы лет суставы.

— Шесть эпох... — произнес верховный архивариус, коснувшись своего лба. — Шесть эпох мы держали на своих плечах иллюзию небытия, не позволяя Империи окончательно перемолоть память нашего народа в строительный щебень для их искусственного рая. Я — Селен-Ар-Мин, Первый Хранитель Триангуляционных Свитков Ат-Рам.

Он посмотрел сквозь распахнутые ворота пирамиды наружу, туда, где над парящими островами города медленно рассеивался серый саван забвения.

Призрачные силуэты на улицах начали меняться. Они больше не бродили бессмысленными кругами. Обретая плотность, они застывали, смотрели друг на друга, узнавали своих близких, падали на колени и плакали слезами из чистейшего жидкого света. Город Забытых Душ переставал быть кладбищем. Он возвращался в систему координат живого бытия.

ВЕЛИКОЕ ДОСТИЖЕНИЕ: «ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕН»
Вы освободили Архивариусов Ат-Рам и сняли печать небытия с цивилизации.
Награда:
Опыт: +450 000 000
Получен 121-й Уровень!
Свободные очки характеристик: +50
Репутация с Древними Строителями: Превознесение
Получен уникальный артефакт: «Первородный Азимут Ядра»

Теплая волна нового уровня прокатилась по телу Вадима, смывая остатки колоссального напряжения. В груди разлилась невиданная доселе мощь — теперь его внутренняя топографическая сетка могла охватывать масштабы целых звездных систем, не теряя ни доли секунды на вычисления.

Селен-Ар-Мин подошел к Вадиму и протянул вперед раскрытые ладони.

Над его кожей материализовался шар из ослепительно белого огня, внутри которого медленно вращался сложнейший многогранник из бесконечного числа граней. Это была не просто карта — это была живая математическая модель Входной Брамь Ядра Первотворения со всеми ее потайными проходами, ловушками архитекторов и истинными векторами тяги.

— Ты пришел с мерным инструментом, а не с мечом разрушения, путник, — торжественно произнес Древний. — Лишь тот, кто уважает законы пространства, достоин войти в Святая Святых. Возьми это. Это наш долг перед теми, кто помнит, что такое абсолютный горизонт. Без этой матрицы твои корабли сгорели бы в первом же кольце Брамь, ибо там законы физики меняются со скоростью мысли безумного демиурга.

Вадим принял шар. Энергия древнего знания мягко впиталась в его перчатку, мгновенно интегрируясь в интерфейс Теодолита Первозданного Нуля. На сетчатке глаза замелькали терабайты новых, кристально чистых данных: схемы силовых полей, графики флуктуаций Ядра, тайные фарватеры в море первородной плазмы.

— Мы не забудем этого, Селен-Ар-Мин, — твердо сказал Вадим. — Ваш город будет нанесен на генеральную карту Освобожденных Земель. Ни один имперский цензор больше не посмеет провести здесь свою кривую линию.

— Теперь у них нет на это времени, — старец сурово посмотрел на горизонт за пределами зала. — Ты разорвал узел, Озеров. Эхо твоего теодолита уже докатилось до Тронного Зала Императора Снов. Они знают, что ты у дверей.

— Пусть знают, — Вадим развернулся, поправляя китель. — Тем проще будет целиться. Он повернулся к Амалии и бойцам штурмового отряда:

— Сворачиваем лагерь. Загрузить координаты Ат-Рам в навигационную систему фрегата. Мы выходим на финишную прямую.

Когда они поднимались по трапу «Меридиана-12», город вокруг них уже сиял миллионами лазурных и золотых огней. Парящие острова занимали свои истинные орбиты, акведуки звенели хрустальной водой воспоминаний, а над центральной пирамидой разворачивалось колоссальное знамя свободной геодезии.

Вадим встал на капитанском мостике. Навигационный стол перед ним теперь пылал совершенно новым светом — сложнейший узор маршрута через кольца Входной Браммы был вычерчен с абсолютной, божественной точностью.

— Дюзы на полную, — спокойно скомандовал Вадим, глядя вперед, где золотые кольца Ядра раскрывались навстречу его кораблю, словно лепестки исполинского цветка творения. — Вектор проложен. Мы идем к Истоку.

Глава 5. Прорыв Сквозь Черный Снег

Рев маршевых дюз «Меридиана-12» отзывался в несущих шпангоутах тяжелой, вибрирующей дрожью. За кормой флагмана оставался Селен-Ар-Мин: сверкающий шпильями, омываемый лазурными приливами ожившего эфира, древний город уходил вниз, растворяясь в мерцающей дымке стабилизированного пространства. Тысячи парящих островов выстраивались в безупречные геометрические спирали, повинаясь возвращенным законам небесной механики, но Вадим Озеров не смотрел назад. Вся его концентрация, обостренная до предела восприятия Верховного Топографа, была направлена вперед — туда, где величественные дуги Первого Кольца Входной Браммы пересекали бездну.

До горизонта событий оставалось меньше трехсот узлов метрического хода. Навигационный стол из черного обсидиана, инкрустированный серебряными мерными шкалами, пульсировал ровным аквамариновым светом. В центре столешницы медленно вращалась голографическая проекция дарованного старцем артефакта — Сферы Истинного Горизонта. Ее внутренние кольца вращались во взаимоисключающих плоскостях, вычерчивая в воздухе невидимые обычным глазом линии абсолютных координат.

— Скорость стабильная, капитан, — доложил старший рулевой Коршунов, не отрывая взгляда от визирных призм курсоуказателя. Пальцы ветерана в тяжелых демпферных перчатках уверенно лежали на рукоятках маневровых гидроприводов. — Входим в зону внешнего притяжения Браммы. Гравитационный градиент... растет, но в пределах допустимой погрешности.

— Не расслабляться, — отзывался Вадим, застегивая высокий воротник топографического кителя. Ткань, прошитая тончайшими золотыми нитями мерных цепей, приятно холодила шею. — Брама никогда не пропускает гостей без проверки на прочность. То, что мы получили матрицу Селен-Ар-Мина, дает нам ключ к замку, но поворачивать его в скважине придется вручную. Амалия, как показатели фона?

Стоявшая по правую руку чародейка-картограф резко взмахнула кистью, разворачивая перед собой каскад рунических индикаторов. Ее тонкие брови сошлись к переносице.

— Странно, Вадим. Плотность эфира падает. Причем катастрофически. Это не стандартное истончение материи на границе сновидческих пластов. Пространство перед нами... оно словно высыхает. Выгорает до состояния мертвого шлака.

В этот момент свет на мостике мигнул. Звук работающих турбин из низкого басовитого гула внезапно перешел в тонкий, раздражающий визг, словно винты фрегата начали молоть сухое стекло.

Интерфейс Теодолита Первозданного Нуля, спаянный с нервной системой Вадима через сетчатку правого глаза, вспыхнул предупреждающими алыми октаэдрами:

[ВНИМАНИЕ: Зафиксирована аномальная деградация метрического континуума!]

[Локальный коэффициент кривизны пространства: нарушение гладкости дифференцирования!]

[Энтропийный фактор: +480% от базового уровня Первого Кольца.]

[Обнаружен фронт псевдо-материального осаждения: «Астральная Метель Черного Пепла».]

[Опасность: Острая онтологическая эрозия, распад координатных сеток, коррозия несущих векторов.]

— Внимание экипажу! — голос Вадима хлестнул по мостику, мгновенно сбивая волну зарождающегося замешательства. — Боевая тревога по первому классу топографической угрозы. Перевести вспомогательные контуры на питание от накопителей абсолютного горизонта. Задраить броневые шторки иллюминаторов до пятидесяти процентов обзора. Навигаторы — прекратить визуальную привязку, переход на гироскопические ориентиры!

Не успели затихнуть щелчки гидрозамков, как за бронированным остеклением мостика разверзся ад.

Золотое сияние Колец Браммы померкло в считанные секунды. Бездна впереди не просто потемнела — она наполнилась удушливой, клубящейся мглой, цвета сожженной кости и застарелой желчи. Это не было обычной тучей или газопылевым скоплением. Пространство между фрегатом и гигантской аркой врат начало распадаться на миллионы черных хлопьев.

С неба сновидений повалил Черный Снег.

Каждая хлопьевидная частица этого чудовищного бурана представляла собой микроскопический фрагмент уничтоженной, разорванной в клочья реальности. Пепел мертвых временных линий, прах сожженных концепций, токсичные отходы демиургических экспериментов Императора Снов — этот шторм бушевал в пространстве между мирами тысячелетиями, скапливаясь в слепых зонах Браммы, словно ядовитый ил на дне пересыхающей реки.

Первые же заряды метели ударили по носовой части «Меридиана-12».

Ш-ш-ш-к-р-р-а-а-х-х!

Звук был ужасающим. Казалось, что миллионы голодных термитов одновременно впились в броневые листы обшивки.

[Критическое уведомление системы защиты!]

[Астральный барьер четвертого порядка: падение емкости до 62%!]

[Скорость истончения защитной пленки: 8.4% в секунду!]

[Диагностика поражения: Частицы токсичного пепла атакуют евклидову метрику корпуса!]

[Физические расстояния между молекулами брони деформируются: эффект «Мерцающего Сдвига».]

— Щиты плавятся! — крикнул инженер-техномант снизу, из колодца машинного отделения. Его искаженное паникой лицо возникло на переговорном кристалле. — Вадим Сергеевич, это не магический урон и не плазменный термический ожог! Барьеры не отражают его,

потому что для этого пепла... для него просто нет расстояния! Он перескакивает через силовые поля, раздвигая саму формулу защитного заклинания!

Фрегат тяжело накренился на левый борт. В коридорах завывали сирены разгерметизации внешних технических карманов. По металлу мостика пробежала мелкая, зудящая дрожь, от которой зубы сводило металлической оскоминой.

Амалия покачнулась, вцепившись в край обсидианового стола. Ее лицо побелело:

— Я... я теряю базовые точки привязки! Мои карты слепнут, Вадим! Сетка высот стирается, словно кто-то проводит наждаком по чертежу! Если мы потеряем вектор сейчас, нас снесет в гравитационную воронку мертвого шлама. Мы никогда не выберемся из этих пластов!

Черные хлопья за стеклом не падали вниз — они неслись горизонтально, закручиваясь в циклопические воронки, хлестали по смотровым амбразурам, оставляя на сверхпрочном алмазном стекле маслянистые, чадающие фиолетовым огнем борозды. С каждым ударом этого пепла ощущение стабильности окружающего мира таяло. Вадим физически чувствовал, как фрегат начинает терять свою целостность: трехмерные прямые углы кают искажались, пол под ногами то круто взмывал вверх, то становился вязким, словно болотная жижа. Токсичный пепел растворял концепцию длины, ширины и высоты.

«Они знали, что я пойду этим путем, — хладнокровно, сквозь ледяное спокойствие истинного исследователя, подумал Вадим. — Это не случайная природная флуктуация. Это заградительная полоса онтологической блокады. Имперские цензоры выжгли метрику перед Брамой, чтобы превратить подступы к Ядру в несуществующую топь».

— Держать строй! — прогремел голос Вадима, усиленный акустической системой кителя. В его интонациях не было ни тени страха, только несокрушимая, математическая уверенность. — Рулевой — зафиксировать рули глубины по гирокомпасу. Инженерная служба — отключить внешние флюкс-барьеры!

— Что?! — ахнула Амалия, глядя на него расширенными глазами. — Отключить щиты?! Пепел сожрет обшивку за тридцать секунд!

— Флюкс-щиты построены на вероятностной магии и энергетической плотности, — отрезал Вадим, уже направляясь к гермошлюзу верхней технологической площадки. — Для энтропийного пепла это просто высококалорийное топливо. Они питают шторм собственной нестабильностью. Здесь бесполезна грубая сила, Амалия. Против распада пространства может выстоять только одно оружие — абсолютная, неоспоримая геометрическая истина.

Он приложил ладонь к сенсору шлюзовой камеры. Тяжелая створка с шипением скользнула в паз.

— Я выхожу на открытую геодезическую платформу. Контроль корабля — на тебе и Коршунове. Что бы вы ни увидели за бортом — не менять курс ни на миллисекунду. Вектор заложен в Сфере Селен-Ар-Мина. Держите корабль на острие иглы.

— Вадим, там температура эфира ниже абсолютного нуля концептуальной устойчивости! — крикнула вслед чародейка, но он уже шагнул в полумрак декомпрессионного шлюза.

— Значит, самое время поднять температуру до точки плавления аксиом, — спокойно отозвался Топограф.

Заслонка за его спиной захлопнулась.

На внешней штурмовой площадке, возвышавшейся над боевой рубкой «Меридиана-12», бушевал конец света.

Черный снег здесь не просто падал — он выл на миллионы голосов, терзая слух криками нерожденных миров и предсмертными хрипами угасших звезд. Ветер из чистого токсичного праха хлестал с такой силой, что человека без ранга Мастера Пространства мгновенно стерло бы в порошок, разложив на элементарные смысловые кванты.

Тяжелый форменный плащ Вадима бился на штормовом ветру, словно железное знамя. На воротнике и рукавах мгновенно осел густой слой темного, жирного налета, пытавшегося прогрызть ткань, но ткань мерцала тонким золотым свечением — пассивный навык `[Неприкосновенность Картографического Канона]` держал удар, хотя шкала выносливости начала неумолимо ползти вниз.

[Внимание! Воздействие аномальной среды: 1200 единиц онтологического распада в секунду!]

[Ваша концептуальная броня истощается: 94%... 91%... 88%...]

Вадим расставил ноги шире, намертво фиксируя магнитные захваты сапог на рифленой палубе. Перед ним, закрепленный на массивной титановой треноге, покоился главный инструмент его жизни — Теодолит Первозданного Нуля.

Массивный корпус прибора из матовой платины и орихалка не имел ни единой царапины. Черный снег отскакивал от его оптической трубы с тонким хрустальным звоном, бессильный перед артефактом, выкованным в пламени самого первого математического рассвета.

Вадим снял защитную крышку с главного окуляра. Внутри линзового блока не было стекла — там медленно пульсировал клубок сверхплотных силовых нитей, отражавший саму суть Пространства до того, как в него вмешались хаос и воля безумных богов.

Юноша снял с пояса сферу Древнего.

Артефакт Селен-Ар-Мина в его ладони отозвался на близость инструмента нетерпеливым, вибрирующим теплом. Вадим поднес сферу к гнезду сопряжения на боковой панели теодолита.

— Ну что, старый хранитель, — прошептал Вадим сквозь вой астрального урагана. — Посмотрим, помнят ли твои алгоритмы, как строить твердь среди первородной мути.

Щелк!

Сфера вошла в паз с идеальной, микронной точностью.

В тот же миг теодолит преобразился. Его вертикальный и горизонтальный лимбы, покрытые микроскопическими нониусными делениями, пришли в бешеное круговое движение. Из окуляра в зенит ударил тонкий, ослепительно белый луч толщиной с иглу. Он прошел клубящуюся мглу черного бурана на бесконечную высоту, заставив токсичные тучи вздрогнуть.

Интерфейс Вадима разорвало каскадом системных сообщений высшего ранга:

[Обнаружено системное сопряжение: «Теодолит Первозданного Нуля» + «Сфера Истинного Горизонта Селен-Ар-Мин»!]

[Инициализация протокола: РАЗВЕРТЫВАНИЕ БАЗИСНОЙ МЕТРИКИ АРХИТЕКТОРА.]

[Доступен ультимативный классовый навык: «Геодезический Купол Абсолютной Метрики» (Ранг: Мифический / Первородный).]

[Требование: 15 000 единиц Структурной Воли.]

[Требование: Закладка трех Реперов Нулевого Порядка в нестабильной среде.]

[Внимание: Ошибка позиционирования приведет к мгновенному коллапсу фрегата в сингулярность нулевого объема!]

— Пятнадцать тысяч воли? — Вадим усмехнулся, и в его глазах вспыхнули холодные синие костры измерительной магии. — Забирай хоть двадцать. Главное — держи горизонт.

Он прильнул глазом к окуляру.

Мир вокруг мгновенно преобразился. Беснующаяся черная метель перестала быть хаотичной бурей. Взору Топографа открылась ее истинная, уродливая анатомия: он видел вихри искривленных векторов, разрывы в координатной сетке, провалы, где метрический тензор превращался в бессмысленную кашу из отрицательных величин. Фрегат «Меридиан-12» казался крошечной щепкой, балансирующей на гребне волны из абсолютной энтропии.

Корпус корабля уже трещал. На баке металл начал расслаиваться, превращаясь в серые хлопья пепла. Счет шел на секунды.

— Репер Первый! — выкрикнул Вадим, поворачивая микрометрический винт горизонтального круга. — Истинный Север Сознания! Азимут: ноль градусов, ноль минут, ноль целых и три тысячных секунды!

Пальцы в перчатке нажали на спусковой триггер алидады.

Из оптической трубы теодолита с сухим щелчком вырвался сияющий золотой луч. Он вонзился в бушующую мглу по правому борту фрегата, на удалении в двести метров. В точке падения луча пустота взвыла, закипела — и застыла. Там материализовался циклопический геодезический знак: парящий в пространстве октаэдр из чистейшего света, грани которого были покрыты неизменными математическими константами.

[Репер «Альфа» зафиксирован!]

[Координата X: Стабилизирована.]

[Локальное сопротивление энтропии: 100%.]

— Репер Второй! — Вадим не терял ни доли мгновения. Руки двигались с машинной точностью, выверенной годами полевых съемок в самых диких зонах сновидений. Маховик вертикального наведения провернулся на девяносто градусов. — Планарный Зенит Исходной Мысли! Угол места: плюс сорок пять!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.